

Н. Яровская (Е.И. Рерих)

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

«Прости мне, великая Лавра Сергиева, если мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела Святых, обители Святых, свидетелей праотеческого благочестия; люблю чин твоих Богослужений, и ныне с непосредственным благословением Преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпо-стены, не поколебавшиеся и тогда, когда поколебалась была Россия; знаю, что и Лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же, и тем же богата сокровищем, то есть Божией Благодатию, которая обитала в Преподобном Сергии, в Его пустыне, и ещё обитает в Нём и в Его мощах, в Его Лавре; но при всём том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою.

Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошёл бы я в него на всенощное бдение, когда в нём с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной.

Отворите мне дверь тесной келии, чтобы я мог вздохнуть её воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий Преподобного Сергия, который орошён дождем слёз Его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных.

Дайте мне облобызать праг её сеней, который истёрт ногами Святых и через который однажды переступили стопы Царицы Небесной... Ведь это всё здесь: только закрыто временем, или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге... Таковы слова, произнесённые митрополитом Московским Филаретом, бывшим сорок лет настоятелем Сергиевой Лавры.

Да, «это всё здесь», и Преподобный Сергей неотступно бодрствует над своей Обителью и над любимой им Родиной.

По древнему преданию, главным образом из сообщений Епифания, ученика Преподобного Сергия, первого его жизнеописателя, мы знаем, что Великий Светильник Земли Русской родился в 1314 году в семье именитых бояр ростовских Кирилла и Марии и был наречён во святом крещении Варфоломеем. Вотчина родителей Сергия находилась в четырёх верстах от Ростова Великого, по дороге в Ярославль. Несмотря на то, что родители его были «бояре знатные» и Кирилл, отец его, был любимым боярином князей Ростовских и часто сопровождал их в их путешествиях в Орду, жили они просто, люди были тихие и глубоко религиозные. Тот же жизнеописатель подчёркивает, что они были особенно «страннолюбивы», помогали и охотно принимали у себя странников. И несомненно, эти-то странники, часто являющиеся выразителями начала ищущего, и особенно их зазывные рассказы, столь противоречащие обыденности, глубоко западали в душу впечатлительного отрока Варфоломея и от ранних лет наметили его судьбу.

Семи лет Варфоломей вместе с братьями, старшим Стефаном и младшим Петром, был отдан учиться грамоте в церковную школу, но грамота плохо давалась ему. Учитель наказывал его, родители огорчались и усовещивали, сам же он со слезами молился, но дело вперёд не двигалось, хотя он напрягал все силы к уразумению учения. И вот случилось чудо, о котором говорят все жизнеописания Преподобного.

Однажды отец послал Варфоломея разыскать коней в поле. Мальчик во время поисков своих вышел на поляну и увидел под дубом «старца-схимника, погружённого как бы в молитвенное созерцание». Варфоломей приблизился и молча стал в ожидании, когда старец заметит его. И вот старец обратился ласково к отроку, спросив: «Что тебе надо, чадо, от меня?» – и Варфоломей, земно поклонившись, с глубоким душевным волнением, сквозь слёзы, поведал ему своё горе и просил старца молиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту. И под тем же дубом старец стал на молитву, и рядом с ним Варфоломей. Окончив, чудный старец вынул из-за пазухи ковчежец и взял из него частицу просфоры, благословил и велел ему съесть, сказав: «Сие дается тебе в знамение Благодати Божьей и уразумения Святого Писания; не скорби более, чадо мое, о грамоте, ибо отныне даст тебе Господь разум в учении». Сказав это, старец хотел удалиться, но благодарный Варфоломей молил его посетить дом его родителей. С честью приняли странника благочестивые Кирилл и Мария. За трапезой родители Варфоломея рассказали многие знамения, сопровождавшие рождение сына их, и старец пояснил им, что сыну их «надлежит сделаться обителем Пресвятой Троицы, дабы многих привести вслед себе к уразумению Божественных Заповедей». После этих пророческих слов чудный старец удалился.

С этого времени в Варфоломее как бы проснулось предчувствие предстоящего ему подвига, и он всею душою пристрастился к богослужению и изучению священных книг. Оставив сверстников с их развлечениями, он весь ушёл в свой нарождавшийся духовный мир.

Рассказы странников, чтение жития Святых, примеру которых уже от ранних лет пытался он подражать, ибо, по словам жизнеописателя, он соблюдал не только умеренность во всём, но даже подвергал себя всякого рода лишениям, чем причинял немало забот и опасений своим родителям, – всё это слагало характер будущего великого Подвижника и Воспитателя народного духа.

И так за годы отрочества и ранней юности в нём неуклонно накапливалось стремление и назрело решение уйти из мира, в мир Высший, мир общения с Силами Светлыми. Уже к порогу юности ясно наметился в нём будущий отшельник и инок. Не потому ли, что живая связь с Силами Высшими от младенчества пребывала в сердце его? Откуда знамения? Откуда Старец дивный? Возможно, что и сама жизнь того времени, со всеми её насилиями, жестокостью, лишь укрепляла его мысли на уходе, на подвиге. Возможно, что не просто мысли о спасении своей души поглощали его. Возможно, что тайный голос устремлял его на подвиг поднятия духа народа и спасение Земли Русской? Ведь не мог он забыть пророчества чудного Старца!

Около 1330 года отец его потерял почти всё своё состояние в силу многих причин, но главным образом от очередного страшного набега татарской рати, истребившей почти весь Ростов огнём и мечом; об этом набеге упоминает и Епифаний. Кроме того, по причислению Ростовского княжества к Московскому, воеводы великокняжеские, во время своих объездов за сбором пошлин в полуразорённый Ростов, отличались крайней алчностью и жестокостью. Будучи разорён до крайности, Кирилл решил покинуть родной город, и со всею семьёй перешёл в Радонеж (в 12-ти верстах от нынешней Лавры), удел, оставленный Иваном Калитою сыну своему Андрею. В то время владельцы, желая заселить дикий и лесистый край, старались привлечь к себе население других областей и давали пришедшим большие льготы; так поступал и Андрей. Кирилл получил в Радонеже поместье, сам служить уже не мог по старости, его замещал сын Стефан, женившийся ещё в Ростове; женился и младший сын Кирилла Пётр, один Варфоломей продолжал прежнюю жизнь, жизнь инока в миру. И несмотря на своё всё возрастающее стремление к отшельничеству, к суровому подвигу, он уступил просьбе родителей и остался с ними «покоить их старость». Епифаний особенно подчёркивает его отношение к родителям,

указывая, что он оставался сыном послушным, и факты жизни подтверждают это. Он твёрдо и неуклонно шёл намеченным путём и при всех обстоятельствах оставался верным себе, но был чужд всякому насилию; эта черта сказывалась в нём особенно ярко от ранней юности, и она же помогла ему вместить и послушание воле родительской.

Но Силы Высшие, бодрствовавшие над избранником своим, просто и без насилия привели его к назначенному. Родители не долго задержали юного подвижника. Скоро сами удалились в Хотьковский монастырь, и очень скоро там умерли, как раз ко времени, когда Варфоломей вышел из юношества и окрепший организм его мог уже выдержать суровости пустынного жития. Варфоломей мог осуществить заветное желание своё.

Оставив имущество брату своему Петру, отправился он к брату Стефану, который к этому времени овдовел и тоже принял монашество, и убедил его вместе отправиться на трудный подвиг, на «взыскание места пустынного»; этим было им положено начало нового, необычного подвига.

Братья выбрали возвышенное место в дремучем лесу, носившее название «Маковец», находившееся в 12-ти верстах от Радонежа, недалеко от речки Кончуры. Здесь впоследствии возник славный Троицкий монастырь. Место это поражало своей красотой, и, как летопись утверждает, «глаголет же древний, видяху на том месте прежде свет, а инии огонь, а инии благоухание слышаху». Тут братья поселились и поставили два сруба: один для церкви, другой для жилья. Митрополит Феогност, к которому они отправились пешком в Москву, благословил их и послал священника освятить церковь. Церковь освятили во имя Святой и Живоначальной Троицы. Так было положено начало выполнению пророчества таинственного Схимника.

Но Стефан не долго выдержал тяготу пустынного жития и ушёл в Московский Богоявленский монастырь. Варфоломей остался один. Вначале изредка заходил для совершения богослужения старец Митрофан, который затем и постриг его в иноческий чин с именем Сергия.

Затем начались дни, месяцы и годы полного одиночества, погружения в жуткое безмолвие пустыни, и кто может сказать все борения и все возвышения духа его? Кто перечтёт все испытания страхом, пустынною жутью, голодом, подчас и унынием и, главным образом, борьбу с невидимыми тёмными силами? Эта борьба с тёмными силами отмечена во всех учениях под разными наименованиями, и ни один из вступивших на путь духовного совершенствования не может избежать её. И конечно, человек восходящий чувствует гораздо глубже этот натиск. Он должен единою мощью духа отражать натиск тёмных сил, сильных уловками своими. Борьба эта является как бы преддверием приближения к Миру Огненному. Все подвижники прошли через ступени этой борьбы. Приступая к подвижничеству духовному, никто не может пребывать в непрестанном горении и постоянном восхищении духа, ибо не выдержала бы плоть его, особенно же в первые годы, потому за высоким подъёмом неминуемо следует уныние и даже острая тоска. Но на падения эти нужно смотреть как на самозащиту и подготовку к следующему, ещё большему возношению. Лишь при неуклонном стремлении, при строжайшей дисциплине духа, с годами устанавливается внутреннее равновесие, и каждый подвижник находит свою меру постоянного горения, иначе говоря, устанавливается непрестанный ток общения с Силами Высшими.

К этой борьбе с тёмными искушениями, к этому закалу, необходимому для Высшего Общения, в полной мере приобщился и Сергий. Даже таким избранным приходится обуздывать свою природу в борьбе с тёмными силами, которые тем сильнее нападают, чем ярче горит в подвижнике сила, противоположная им. Несомненно, это было труднейшее время, требовавшее громадного напряжения духовных и телесных сил. Он не имел учителя в своей духовной жизни. Иерей Митрофан, постригший его, вряд ли мог

ознакомить его с чуждым ему самому подвигом. Возможно, что до некоторой степени он руководствовался «Наставлением пустынноикам», составленным святым Василием, но вернее предположить, что он сам находил свой путь и мужественно и бестрепетно отражал все нападения, все страшные видения единою мощью молитвы сердца.

«Представим себе, – пишет Рогович в своём очерке "Сергий Радонежский", – обстановку такого ночного одиночества в глухую зимнюю пору: в малой келье полутемно и отовсюду дует пронизывающим зимним холодом, ветер свищет и стонет в трубе и ударяет порывами в окна и стены, издали подвывают волки, подбирающиеся к человеческому жилью, а в окна, из мрака ночи, словно заглядывают какие-то искажённые, страшные, злобные лица; из воя ветра порою выделяются дикие раскаты хохота, угрожающие голоса; кругом мрак и сознание полного одиночества, а молодой инок стоит перед святыми иконами в напряжённой молитве, тихое умиление души побеждает и страх, и усталость, и ощущение холода. После короткого сна трудный рабочий день, и так однообразною вереницею тянутся короткие зимние дни и бесконечные ночи».

Епифаний передаёт, как Преподобный сам рассказывал своим ученикам о мучивших его видениях. Как однажды он в «церквице» своей стоял на всенощном бдении, и вот раздался треск, и стена церковная расступилась, и через расселину вошёл сам сатана, а с ним «полчище бесовское», в остроконечных шапках, и с угрозами как бы устремились на него. Они гнали, наступали на него и грозили ему, но он молился и продолжал начатое им бдение, повторяя: «Да воскреснет Бог и да расточатся враги Его». И бесы так же внезапно исчезли, как и появились.

В другой раз Сергий был в келье своей, и вот раздался сильный шум от несущихся сил бесовских, и наполнилась келья его змеями, а полчища бесовские окружили хижину его, и слышен был крик: «Отыди, отыди скорее от места сего! Что хочешь обрести здесь... или не боишься умереть здесь от голода? Вот и звери плотоядные рыщут вокруг тебя, алчущие растерзать тебя, беги немедленно!» Но Сергий и на этот раз остался твёрд и мужественно отражал их молитвою. Внезапно проявившийся необычайный свет рассеял полчища тёмных.

Видимо, он более всего подвергался искушению «страхованиями», другие искушения чужды были его чистоте душевной. Но, как мы видим, и с этими «страхованиями» он скоро совладал ясностью духа и великою верою в Силы Высшие, хранившие его; об этом свидетельствует вскоре начавшийся появляться, вслед за натиском тёмных, необычайный свет, который и рассеивал полчища бесовские.

Но и в эту пору жутких испытаний и закалений духа были у Сергия и светлые явления; не все они были записаны, но сохранилось предание об одном, весьма характерном и связанном уже с Богородицею. «Так, однажды Сергий хотел прочесть о житии Богородицы, но порыв ветра потушил лампаду. Тогда Сергий настолько воспылал духом, что книга просияла Светом Небесным, и он мог прочесть и без лампы».

Совладал он и со страхом перед дикими зверями. Так, по Никоновской летописи, у него был лесной друг. Однажды Сергий увидел у порога кельи своего огромного медведя, ослабшего от голода. Пожалел его и принёс из кельи краюшку хлеба. Мохнатый пришелец мирно съел, и потом часто стал навещать его. Сергий делился с ним скудным запасом своим, и медведь стал ручным; так закалялся Дух Преподобного к предстоящему ему подвигу Воспитателя духа народного и Строителя Земли Русской. «Какие тайны подвигов скрыла непроходимая чаща соснового бора, вскарабкавшегося по тому холму, на котором поселился чудный отшельник?... – вопрошает в своём очерке В.Никаноров. – Сколько было невыразимой красоты в этой жизни, всё содержание которой можно объять одним словом "Бог" ...Ни одна живая душа не пробиралась ещё в таинственное уединение. Никого не было между пламенеющим духом, равным к Богу, и Взвизывающим на славный

подвиг... Словно костёр незагасимый зажёгся тогда в дремучем лесу, на этом месте Сергиевом.

Самая высшая из молитв – это непрестанное удивление Творцу – больше всего наполняла душу Преподобного Сергия. Но была у него ещё одна молитва.

"Бог и родина" – вот то, что двигало жизнью и судьбою Преподобного Сергия... и эта любовь дала ему возможность так совершенно, до конца, исполнить заповедь Господню о любви к людям».

По-видимому, не долго пробыл Сергий в полном одиночестве, ибо тот же Епифаний повествует: «Пребывшу ему в пустыни единому единствовавшу или две лете, или боле, или меньши, неведь, Бог весть». Слухи о его подвижническом житии скоро разнеслись по окрестности, и стали навещать его люди, прося назидания и совета во всех делах своих; и никого не отпускал юный подвижник без утешения, без слова ободрения и вразумления.

Наконец пришли к нему и желавшие подражать ему в подвиге жизни и просили принять их в число учеников его. Сергий проникательно разбирался в их побуждении и душевном складе. Никогда не отказывал искренно искавшим подвига, лишь предупреждал их о трудности пустынного жития и о страхах, оборевавших новичков; он говорил им: «Приемлю вас, но да будет известно каждому из вас, что если пришли работать Богу и хотите здесь со мною безмолвствовать, то уготовайте себе претерпеть всякие беды и печали, и нужды и недостаток; ибо многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное... Но не бойся же, мало стадо, я верю, веруйте и вы, что Господь не предаст вас до конца искушёнными быть против ваших сил. Ныне печалью исполнены будем, а завтра печаль наша радостью будет и преизбудет, и никто не может взять радости нашей. Дерзайте, дерзайте, люди Божии!»

Замечательно, как часто мы встречаем в его словах, обращённых к ученикам и приходящим к нему, слово *радость*. Она звучит и в наставлении к труду, и в молитве, исполненной радости духа, и в радости несения подвига. Не этот ли призыв к радости, не эта ли радость, полагаемая им в основание всякого действия, и привлекала к нему столько сердец и впоследствии сделала его Обитель средоточием духовной культуры, опорой и прибежищем во все тяжкие минуты жизни Земли Русской?

На первых порах пустынножители не руководствовались никакими правилами или уставами, но имели перед собою лишь живой пример истинного подвижничества в лице своего основоположника. Когда собралось к Сергию до двенадцати учеников и было построено двенадцать отдельных келий, то вокруг всего застроенного пространства поставили высокий деревянный тын с воротами для безопасности от диких зверей, и тихо потекла жизнь отшельников в новоустроенной обители.

Из первых учеников Преподобного известны – Сильвестр (Обнорский), Дионисий, Мефодий (Пешношский), Симон Экклесиарх и Исаакий Молчальник, Макарий, Андроник, Феодор, Михей и другие. Как сказано, образцом всевозможного труженичества и подвигов для вновь прибывших был сам Преподобный. Сам рубил кельи, таскал брёвна, колот дрова, носил воду с двумя водносами для братии, молот ручными жерновами, пёк просфоры, варил квас, катал церковные свечи, кроил и шил одежду, обувь, и работал на братию, по выражению Епифания, «как раб купленный». Летом и зимою ходил в той же одежде, ни мороз его не брал, ни зной, и, несмотря на скудную пищу, был очень крепок, «имел силу против двух человек» и ростом был высок. Был и на службах первым. В промежутках между службами была введена им молитва в кельях, работа в огородах, шитьё одежды, переписывание книг и даже иконописание. Для совершения литургии, в дни праздничные, приглашали из ближайшего села священника.

Приходя в церковь к полунощнице и расходясь по кельям после вечерни, братья земно кланялись друг другу и обменивались целованием, заповеданным Апостолами. По

уходе братии в кельи в обители воцарялась тишина, нарушаемая разве воем диких зверей, нередко приближавшихся ночью к самой оgrade обители, или же тихим пением псалмов бодрствующего брата.

В кельях своих иноки большую часть времени проводили в чтении священного писания и в молитве, прекращая всякое сношение с братией, следуя примеру самого Преподобного. Таковы были основные порядки в новоучрежденной обители, исключавшей всякое нарушение законов нравственной чистоты жизни человека.

Будучи основоположником нового иноческого пути, Преподобный Сергей не изменил основному типу русского монашества, как он сложился в Киеве XI века, но в его облике проступают ещё более утонченные и одухотворенные черты. Кротость, духовная ясность, величайшая простота являются основными чертами его духовного склада. При непрестанном труде, мы нигде не видим поощрения суровости аскезы, нигде нет указаний на ношение вериг или истязание плоти, но лишь непрестанный, радостный труд, как духовный, так и физический.

Так из пустытника, созерцателя Сергей вырос в общественного деятеля и готовился неисповедимыми путями к роли государственной. Росла с ним и его Обитель, которой было суждено сыграть огромную историческую роль по распространению духовной культуры и укреплению Государства Русского.

С увеличением числа братии начала ощущаться потребность введения более определенных и твердых правил, явилась нужда в игумене. Но, несмотря на усиленные просьбы братии быть среди них игуменом, Сергей непреклонно отказывался, говоря: «Желание игуменства есть начало и корень властолюбия». Это нестяжание власти красной нитью проходит во всей его жизни. И тогда, по просьбе Сергия, первым игуменом Свято-Троицкой Обители стал тот самый старец Митрофан, который постриг его в монашество. Только после скорой кончины этого старца, уступая просьбам и даже угрозам братии разойтись и нарушить обет свой, ибо, как говорили они: «Ты дашь ответ нелицеприятному Судии – Богу. Мы ради тебя, услышав о добродетели твоей, возложив на тебя всё упование, оставили всё в мире и водворились по твоему согласию на месте сем...», Сергей отправился, наконец, с двумя старейшими братьями к епископу Афанасию в Переяславль-Залесский. Но в Переяславле уже слышали о подвигах Преподобного, и Святитель Афанасий весьма обрадовался, увидав Сергия, и без колебания повелел ему принять игуменство. Тут же поставил его в иподиаконы и в иеродиаконы, и на другой же день облёк его во священство. А в день следующий Преподобный, с глубоким умилением и духовным подъёмом, впервые служил литургию. Отпуская его, епископ Афанасий напутствовал его: «Должно тебе, возлюбленный, немощи немощных нести, а не себе угождать... друг друга тяготы нести и тако исполните закон Христов...»

Можно представить, с какой радостью братия встретила нового игумена, своего давнего наставника. Приняв игуменство, Сергей ничего не изменил в обращении своём с братией, ни в своей труженической жизни, лишь принял ещё большую ответственность. Так же, как и раньше, нёс он все работы и служил братии «как раб купленный», и одежду носил ветхую и покрытую заплатами, так что трудно было различить, кто был старший из них и кто младший, ибо Преподобный с самых первых дней воплотил в образе своём завет первенства, указанный Христом: «Кто хочет между вами быть первым, да будет всем слугою».

В первые годы существования Обители ощущалась сильная скудность и недохватки. «Всё худостно, всё нищетно, всё сиротинско», как выразился один мужичок, пришедший в Обитель Преподобного повидать прославленного и величественного игумена; «чего ни хватись, всего нет». Нередко случалось, что в Обители не было ни вина для совершения

литургии, ни фимиама, ни воска для свечей; тогда, чтобы не прекращать богослужения, зажигали в церковке на вечерние службы берёзовую лучину, которая с треском и дымом светила чтению и пению. Но зато «сердца терпеливых и скудных пустынников горели тише и яснее свечи, и пламень душ их достигал Престола Вышнего». Так находим свидетельство другого подвижника, по времени близкого к Преподобному Сергию, который пишет: «Толику же нищеты и нестяжания имеяху, яко во обители Блаженнаго Сергия, и самыя книги не на хартиях писаху, но на берестех». И действительно, все богослужебные книги и многие другие священные писания были переписаны братией и самим Преподобным в часы досуга на досках и на бересте. Образцы этих трудов, так же как первые деревянные священные сосуды и фелонь Преподобного, из некрашеной крашенины с синими крестами, хранились в Лаврской библиотеке и ризнице.

Свидетельствуя об игуменстве Сергия, тот же подвижник пишет: «Слышахом о Блаженном Сергии... от неложных свидетелей, иже бяху в лета их, яко толику бодрость и тщание имеяху о пастве, яко нимало небрежениеили преслушание презрети. Бяху бо милостив, егда подобаше, и напрасни, егда потреба бываше, и обличающе и понуждающе ко благому согрешающие...» Всё это даёт нам облик вечно бодрствующего, зоркого наставника, следящего за каждым братом, особенно же за новичком, и, при всей мягкости своей, не допускающего уклонений от установленных правил. Введённая им суровая дисциплина, требовавшая от учеников постоянной бдительности над мыслями, словами и поступками своими, сделала из его Обители воспитательную школу, в которой создавались мужественные, бесстрашные люди, воспитанные на отказе от всего личного, работники общего блага и творцы нового народного сознания.

Приведённые Епифанием в жизнеописании установленные Преподобным правила указывают на суровость этой дисциплины. Так, после вечерни не разрешалось братии выходить из келий и беседовать друг с другом. Каждый должен был пребывать в своей келье и упражняться в молитве, в уединённом богомыслии и, чтобы руки их не были праздны, заниматься рукоделием, не давая возможности лениности овладеть телом.

Часто в глухие зимние ночи Преподобный обходил тайно около братских келий для наблюдения за исполнением правила его, и если находил кого на молитве, или читающим книгу, или за ручным трудом, радовался духом и шёл дальше; но если слышал празднословиящих, то лёгким ударом в оконце подавал знак о прекращении недозволенной беседы и удалялся. Наутро же призывал провинившихся и наставлял их кротко, но сильно, и приводил к раскаянию. При этом, чтобы не задеть, он часто говорил притчами, пользуясь самыми простыми и обыденными образами и сравнениями, которые глубоко западали в душу провинившегося.

Другим замечательным правилом Преподобного было запрещение братии ходить из Обители по деревням и просить подаяния, даже в случае крайнего недостатка в пропитании. Он требовал, чтобы все жили от своего труда или от добровольных, не выпрошенных подаяний. Труд в его Учении играл огромную роль. Сам он подавал пример такого трудолюбия и требовал от братии такой же суровой жизни, какую вёл сам. Как бы в подтверждение этого правила, мы находим следующий пример из жизни самого Преподобного в те дни, когда в Обители ещё существовал порядок особножития.

Преподобный однажды три дня оставался без пищи, а на рассвете четвёртого пришёл к одному из своих учеников, у которого, как он знал, был запас хлеба, и сказал ему: «Слышал я, что ты хочешь пристроить сени к твоей келье, построю я тебе их, чтобы руки мои не были праздны».

«Весьма желаю сего, – отвечал ему Даниил, – и ожидаю древодела из села, но как поручить тебе дело, пожалуй, запросишь с меня дорого?»

«Работа эта не дорого обойдётся тебе, – возразил Сергей, – мне вот хочется гнилого хлеба, а он у тебя есть, больше же сего с тебя не потребую».

Даниил вынес ему решето с кусками гнилого хлеба, которого сам не мог есть, и сказал: «Вот, если хочешь, возьми, а больше не взыщи».

«Довольно мне сего с избытком, – сказал Сергей, – но побереги до девятого часа, яне беру платы прежде работы».

И, туго подтянувшись поясом, принялся за работу. До позднего вечера рубил, пилил, тесал и наконец окончил постройку.

Старец Даниил снова вынес ему гнилые куски хлеба как условленную плату за целый день труда, тогда только Сергей стал есть заработанные им гнилые куски, запивая водою. Причём некоторые ученики из братии видели исходившую из уст его пыль от гнилого хлеба и изумлялись долготерпению своего наставника, не пожелавшего даже такую пищу принять без труда. Подобный пример лучше всего укреплял не окрепших ещё в подвиге самоотвержения.

Эпизод этот очень характерен, – с одной стороны, он ярко свидетельствует, насколько Преподобный соблюдал установленные им правила – не просить подаяния, но пользоваться лишь плодами рук своих, трудом заработанными; с другой – в нём проступает вся природная кротость его, всё великодушие его, ни одним словом не попрекнувшего чёрствого сердцем и расчётливого брата и ученика, и только потому, что чёрствость эта касалась лишь его самого.

Принято называть подобные поступки Сергия смирением, но вернее объяснить их самоотречением.

В том же жизнеописании приведён ещё один рассказ, тоже связанный с одним случаем острой нужды в Общине. Здесь снова явлена сила веры, терпения и сдержанности Преподобного рядом с малодушием некоторых из братьев. Одолеваемые голодом, они возроптали: «Слушаясь тебя, нам приходится умирать с голоду, ибо ты запрещаешь нам ходить в мир просить хлеба. Завтра же пойдём отсюда каждый в свою сторону и более не вернёмся, ибо не в силах более терпеть здешнюю скудность».

Преподобный же, желая подкрепить малодушных, собрал всю братию и с обычной мягкостью, но и с твёрдостью увещевал не поддаваться искушению, говоря: «Благодать Божия не без искушений бывает; по скорби же радости ожидаем. Сказано: вечером водворится плач, а завтра радость». И не успел он окончить, как послышался стук во врата Обители, и вратарь прибежал сообщить, что приехали возы брашен и хлебов.

Случай с хлебами, прибывшими в последнюю минуту, остался в памяти у братии как проявление Высшей Благодати, всегда бодрствовавшей над избранником своим и поддерживавшей его в тяжкие минуты.

Был ещё один чудесный случай, связанный с жизнью Обители, много прибавивший к славе Преподобного. Начало ему положило недовольство и ропот братии на недостаток воды. Находившийся поблизости небольшой ручеёк со временем иссяк, река же отстояла слишком далеко от Обители; и вот среди братии поднялся ропот на игумена, что далеко им ходить за водою. На это Преподобный отвечал: «Я хотел безмолвствовать один на месте сем. Богу же угодно было воздвигнуть здесь Обитель. Но дерзайте, молитесь!» Потом, взяв с собою одного ученика, вышел из Обители и, найдя недалеко в овраге несколько скопившейся воды, воздел руки и обратился к Господу, чтобы даровал им Господь, как некогда по молитве Моисея, воду и на сем месте. Произнеся молитву, Преподобный начертал крест на земле, и тотчас изземли пробился обильный источник чистой, холодной воды, который братия хотела было назвать Сергиевым, но он запретил им. Впоследствии многие, пившие с верою из этого источника, получали исцеление.

Спустя десять лет по основании Обители около неё постепенно стали селиться крестьяне и скоро окружили монастырь своими посёлками. Простота, великая сердечность Преподобного, отзывчивость на всякое горе и, более всего, его ничем несломимая вера в заступничество Сил Превышних, и отсюда ясная, радостная бодрость, не оставлявшая его в самые тяжкие минуты, привлекали к нему всех и каждого. Не было отказа в его любвеобильном сердце, всё было открыто каждому. Каянный язык отказа и отрицания не существовал в его обиходе, «дерзайте» – было его излюбленным речением. Для самого скудного и убогого находилось у него слово ободрения и поощрения. Лишь лицемеры и предатели не находили к нему доступа.

Он постоянно твердил о Хранителях Благих. Он призывал Их в свидетели и знал, что нет тайны от Мира Высшего, Мира Огненного, и, прежде всего, учил признательности Высшему Миру. Каждому проходящему, по сохранившемуся преданию, он предлагал поблагодарить Господа за встречу.

Он говорил: «Поблагодарим Господа, вот и встретились. Так поблагодарим великих Отцов наших и поклонимся им; и теперь порадуемся или восплачем вместе. Говорят, что радость вдвоём родит много зёрен, и слёзы вдвоём – как роса Господня». Так Сергей приветствовал начало каждого сотрудничества.

«Иже успеет услышать своего духа голос, над бездною вознесётся» – так говорил Сергей.

«И ушедший в леса не может слышать речь людскую; и на ложе уснувший не услышит птичек, солнца возвестников; и чуду явленному молчащий откажется от глаза; и молчащий на брата помощь занозу из ноги своей не вынет». Так говорил Сергей. Так хранит народ на путях своих сказания мудрые.

Можно утверждать, что Сергей нашёл путь к сердцам не только путём чудес, о которых запрещал говорить, но своим личным примером великого сотрудничества, как в большом, так и в малом. Его слово было словом сердца, и, может быть, главная сила его кратких убеждений заключалась в той незримой, но осязаемой благодати, которая излучалась из всего его обаятельного облика, умиротворяюще и ободряюще влиявшего на всех приходивших к нему.

Нигде нет указания на гнев, даже на возмущение, он умел быть твёрдым и требовательным, но без насилия. Он никогда не жалел себя, и такое качество не было умственным, но сделалось природою, и потому облик его так убеждал. Присущее ему огненное проникновение помогало ему безошибочно разбираться в способностях и душевном складе учеников и поручать каждому задачу по силам его, а также проникать в намерения приближавшихся к нему.

Преподобный входил во все нужды, во все будни как своих учеников, так и всех трудящихся. Каждодневность не притупляла его чувствований, и сердце его не нарушало свою отзывчивость на всякие обиходные вопросы. Его учение не отрывало от жизни и полагало труд каждого дня как возношение сердца. Учение это выше всего ставило долг человека с точки зрения общего блага.

Сергей старался всячески очищать и утончать чувства учеников и проходящих к нему за наставлениями, именно, в их жизненном обиходе. Всегда и во всём руководила целесообразность, которая претворялась в нём в великую вместимость и в примирение противоположений. Так, сам он очень заботился о монастырских огородах, и сам же обсуждал содержание новых икон. Также заботился о списывании книг, но знал, что квас не должен слишком бродить. Такие совмещения противоположений не изменяли горения его сердца.

Он умел пользоваться каждым случаем, чтобы заложить в сознание народа зерно нравственного учения и дать проблеск в Мир Высший. Так, он посылал учеников своих на

полевые работы к крестьянам, чтобы помочь им и получить возможность говорить о просвещении духа. И зёрна его благостного учения дали чудесные всходы. Okрепла нравственность, окреп дух, поднялись силы народа, и подвиг освобождения Земли Русской, на который благословил его Преподобный, стал возможным.

Число иноков в Обители довольно долго ограничивалось двенадцатью, по причине трудности добывания средств к пропитанию, но с увеличением населения вокруг Обители, и в особенности с приходом Смоленского архимандрита Симона, который предпочёл поменять власть на звание послушника у Сергия и при этом вручил Преподобному своё довольно большое состояние, число братии стало быстро возрастать. На средства Симона была отстроена новая, более обширная церковь, также и необходимые монастырские здания.

Преподобный мог теперь шире принимать приходящих к нему и, как говорит его жизнеописатель, «не отрешал никого же, ни стара, ни млада, ни богата, ни убога». Однако приходящий должен был сначала ходить в мирской одежде, присматриваться к монастырским порядкам и исполнять без роптания все чёрные работы. Затем, по усмотрению игумена, он облакался в простую рясу и камилавку и, не произнося ещё обетов иночества, должен был нести трёхлетнее испытание или послушание под руководством избранного старца, чтобы он мог испытать свои силы и вполне сознательно произнести обет.

И хотя Обитель уже не нуждалась теперь, как раньше, но Преподобный был всё так же скуден в одежде и житии своём, так же равнодушен к почёту и отличиям, таким и остался до самой смерти. Но всё это было в нём естественно, ничем не подчёркнуто, подвиг свой он нёс просто, ибо иначе и не мог бы. В этой естественности и простоте следует, прежде всего, искать печать избранности.

Существует рассказ Епифания со слов старцев-очевидцев: «Преподобный носил сермяжную ткань из простой овечьей шерсти, да притом такую ветхую, которую, как негодную, другие отказывались носить. Чаще всего шил одежду сам. Однажды не случилось хорошего сукна в обители, была лишь одна половинка гнилая, пёстрая и плохо сотканная. Никто из братии не хотел ею пользоваться. Один передавал другому, и так обошла она до семи человек. Но Преподобный Сергей взял её, скроил из неё рясу и не хотел уже расставаться».

Тот же Епифаний при этом добавляет: «Яко и не познатися ему, худости ради риз его». И приводит следующий случай. Многие приходили издалека, чтобы взглянуть на Преподобного. Пожелал видеть его и один простой землепашец. При входе в монастырскую ограду стал спрашивать братию – как бы повидать их славного игумена? Преподобный же тем временем трудился в огороде, копая заступом землю под овощи.

«Подожди немного, пока выйдет», – отвечали иноки.

Крестьянин заглянул в огород через щель забора и увидел старца в заплатанной рясе, трудившегося над грядкою. Не поверил он, что этот скромный старец и есть тот Сергей, к которому он шёл. И опять стал приставать к братии, требуя, чтобы ему показали игумена.

«Я издалека пришёл сюда, чтобы повидать его, у меня до него дело есть».

«Мы уже указали тебе игумена, – ответили иноки, – если не веришь, спроси его самого».

Крестьянин решил подождать у калитки. Когда Преподобный вышел, иноки сказали крестьянину: «Вот он и есть, кого тебе нужно».

Посетитель отвернулся в огорчении.

«Я пришёл издалека посмотреть на пророка, а вы мне сироту указываете. Никакой не вижу в нём чести, величества и славы. Ни одежд красивых и многоцветных, ни отроков,

предстоящих ему... но всё худое, всё нищенское, всё сиротское. Не до того я ещё неразумен, чтобы мне принять сего бедняка за именитого Сергия».

Иноки обиделись, и только присутствие Преподобного помешало им выгнать его. Но Сергий сам пошёл навстречу, поклонился ему до земли, поцеловал и повёл за трапезу. Крестьянин высказал ему свою печаль – не пришлось ему видеть игумена.

«Не скорби, брате, – утешил его Преподобный, – Бог так милостив к месту сему, что никто отсюда не уходит печальным. И тебе Он скоро покажет, кого ищешь».

В это время в Обитель прибыл князь со свитой бояр. Преподобный встал навстречу ему. Прибывшие оттолкнули крестьянина и от князя, и от игумена. Князь земно поклонился Святому. Тот поцеловал его и благословил, потом оба сели, а все остальные «почтительно стояли кругом».

Крестьянин протискивался и, обходя кругом, всё старался рассмотреть – где же Сергий? Наконец снова спросил: «Кто же этот чернец, что сидит по правую руку от князя?»

Инок с упрёком сказал ему: «Разве ты пришлец здесь, что доселе не слыхал об отце нашем Сергии?»

Только тогда понял крестьянин свою ошибку. И по отъезде князя бросился к ногам Преподобного, прося прощения.

Сергий же утешил его, сказав: «Не скорби, чадо, ты один справедливо рассудил обо мне», – и, побеседовав с ним, отпустил с благословением. Но простодушный землепашец до того был побеждён кротостью великого Старца, что вскоре снова прибыл в Обитель, чтобы уже остаться в ней, и принял монашество. Так простота и великая благодать Преподобного действовали сильнее всякого великолепия.

Конечно, путь Преподобного не мог не быть отмеченным так называемыми чудесами. Ведь чудо есть знамение великого общения с Силами Высшими, с Иерархией Света. Потому кому же, как не Преподобному, должны были быть открыты они. От детства лежала на нём печать избранничества, и в зрелые годы, когда он укрепился и достиг равновесия духовных сил, общение это проявилось многими чудесами, которые не все дошли до нас, ибо не все были записаны. Так, мы знаем о чуде с источником, и вторым чудом было исцеление, по некоторым же сведениям – воскрешение ребёнка.

К этому времени слава о нём, как о Святом, разнеслась далеко, и с дальних сторон приходили к нему с поклонением, за советом и, главным образом, со всеми бедами. И Преподобный в своём любвеобильном сердце находил нужное слово для каждого. Епифаний передаёт, как один человек, живший в окрестностях Троицкой Обители, имел единственного сына, и тот тяжело занемог. Отец, исполненный веры, понёс его к Преподобному. Но пока он изливал свои мольбы и Сергий готовился совершить молитву, отрок в жестоком припадке умер. Отец впал в отчаяние и даже стал упрекать Преподобного, что вместо утешения скорбь его только умножилась, ибо лучше бы ему было умереть дома: по крайней мере, у него хотя бы вера не убавилась. Должно быть, Преподобный сжалился над несчастным отцом и, когда тот ушёл за нужными вещами для погребения, встал на молитву о даровании жизни отроку, и тот ожил.

Когда же убитый горем отец возвратился, неся с собою всё нужное, Преподобный встретил его словами: «Напрасно ты, не рассмотрев, так смутился духом, отрок же твой не умер».

Увидя воскрешённого сына, счастливый отец в исступлении радости упал к ногам Сергия, со слезами благодаря его за совершённое чудо. Но Преподобный стал убеждать его, что никакого чуда не было: «Прельщаешься, – говорил чудотворец, – и не знаешь сам, за что благодаришь. Когда ты нёс больного, он изнемог от сильной стужи, тебе же

показалось, что он умер; ныне же согрелся у меня в келии, и припадок прошёл. Но иди с миром домой и не разглашай никому о случившемся, чтобы тебе вовсе не лишиться сына».

Происшествие это лишь много позднее стало известным от келейника Преподобного. Епифаний и приводит его рассказ. Тот же келейник рассказывает ещё два случая. Один с тяжело больным, который три недели не мог ни пить, ни есть и вовсе лишился сна. Родные его, потеряв всякую надежду на выздоровление, понесли больного в Обитель к Сергию и положили к ногам его. Преподобный, помолившись, окропил его святой водою, и тот погрузился в глубокий и длительный сон. Проснувшись, он почувствовал себя совершенно здоровым и в первый раз вкусил пищу, которую предложил ему Преподобный.

Другой случай с бесноватым, знатным вельможею, жившим на берегах Волги, который, будучи связан, разрывал железные узы и скрывался от людей, живя среди диких зверей, пока его не находили домашние. И так как слава о святом чудотворце достигла и тех мест, то домашние решили привести его к Преподобному.

Вельможу повезли насильно, ибо он и слышать не хотел о Сергии. Когда же его довели до Обители, он в ярости разбил свои узы, и вопли его были слышны внутри монастырской ограды. Когда Сергию сказали о том, он приказал всем собраться в церковь и служить молебствие о болящем. Тогда бесноватый стал понемногу успокаиваться, и его могли подвести к церкви. Преподобный вышел к нему с крестом, и лишь только он осенил его и окропил святой водою, как больной с диким воплем «горю, горю!» бросился в большую, накопившуюся от дождя лужу, но внезапно утих и стал совершенно здоров. Впоследствии он рассказывал, что когда Преподобный хотел осенить его крестом, он увидел нестерпимый пламень, исходивший от креста, который и охватил его всего, потому он и бросился в воду, чтобы не сгореть. Несколько дней провёл он в Обители и вернулся к себе с глубокою благодарностью к Святому. Конечно, такие исцеления и чудеса широко разносились по окрестностям, и в Обитель, к Преподобному, притекали со всех мест люди разного положения, от князей и бояр до простых и самых нищих.

Всеобщее признание и почитание ни в чём не изменили его, ни его уклада жизни, ни обращения с людьми; он с равною внимательностью и любовью обращался как с князьями, обогащавшими его Обитель, так и с бедняками, питавшимися от монастыря. Всегда оставался простым и кротким наставником, но в редких случаях являлся и суровым судьёй. Так житие приводит два случая, когда Преподобный явился обличителем.

Один человек обидел бедного соседа своего, отобрал у него откормленного борова и не заплатил договорённой платы. Потерпевший прибегнул к защите Преподобного. Сергей вызвал обидчика и долго усовещивал его. Обидчик обещал тотчас же заплатить, но, возвратясь домой, вновь пожалел денег и не исполнил своего обещания. Когда же он вошёл в клеть, где лежал зарезанный им боров, он увидел, что вся туша изъедена червями, несмотря на зимнее время. Испугался богатей и в ту же минуту понёс деньги сироте, мясо же выбросил на съедение псам.

Другой рассказ о внезапной слепоте епископа Константинопольского, который хотя и много слышал о чудесах игумена Сергия, но не придавал этим слухам надлежащей веры. Случилось этому епископу быть в Москве по делам церкви, и он решил проверить сам эти слухи и посмотреть на него в Обители. Обуреваемый сомнением и чувством самопревозношения, он говорил: «Может ли быть, чтобы в сих странах воссиял такой светильник, которому подивились бы и древние Отцы?» В таком настроении ума епископ прибыл в Троицкую Обитель, но уже приближаясь к Обители, он стал ощущать некий непреодолимый страх, и когда вошёл в монастырь и увидел Сергия, внезапно был поражён слепотою. Преподобный должен был взять его за руку, чтобы провести в келью свою. Поражённый епископ исповедал Преподобному своё неверие и сомнение своё, и

недобрые о нём мысли, и просил его об исцелении. Преподобный с молитвою прикоснулся к глазам его, и тот прозрел.

Конечно, случаев таких было множество. Несомненно, многие и забылись, ибо сам Преподобный умалчивал о них и другим запрещал разглашать. И жизнеописатель мог привести лишь наиболее запомнившиеся.

Преподобный был также первым духовником братии. Конечно, исповедь эта много способствовала тому внутреннему общению, которое так спаивало его с братией. Наблюдение и любовь к людям дали ему подход к каждой душе и умение извлекать из неё лучшие чувства, что сильно облегчало задачу духовного водительства. Духовное прозрение в истинную сущность учеников руководило им и в определении меры послушания по силам и способностям каждого, ни в чём не насилуя, но всячески охраняя личные свойства их.

Указывается, что он строго наблюдал за исполнением правил общежития как со стороны старших, так и со стороны младших иноков. От старших требовал быть милостивыми и негневливыми, младшей же братии заповедал исполнять в точности предписанные правила и требования старших. Иерархическое начало в полной мере проводилось в его Обители, но нигде не указано на насилие над индивидуальностью учеников. Так, когда он очень желал поставить игуменом в основанном им Киржачском монастыре ученика своего Исаакия, но тот предпочёл подвиг молчания, он не настаивал. Прекрасно сказано у Ключевского: «По последующей самостоятельной деятельности учеников Преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, каждый оставался сам собою и, становясь на своё место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаической иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под рукою мастера в гармоническое выразительное изображение».

Многочратно отмечается жизнеописателем Епифанием, что слово Преподобного никогда никого не задевало, он говорил и действовал спокойно и более всего старался убедить, но иногда налагал епитимьи. В высокой мере он обладал даром внушать уважение к себе и поддерживать в окружающих достойный и высокий дух просто лишь обаянием своего облика.

Не произносил он и длинных проповедей, речь его отличалась краткостью и убедительностью. Часто говорил он притчами, пользуясь самыми простыми и обыденными образами и сравнениями, которые легко запоминались слушателями. Но, прежде всего, Преподобный учил людей своим личным примером, применением учения в жизни каждого дня. Труд в его учении играл огромную, первенствующую роль. Он знал пламенную меру труда, потому непрерывный труд ставился им как условие и средство духовного достижения. Сердцем он прозревал, что труд, во имя Светлой Иерархии, во имя ближнего, преображается в качестве своём. Так труд был возведён им в священное понятие, неотделимое от духовного самоусовершенствования.

Итак, в лице Сергия-игумена мы имеем образ истинного Вождя, входящего как во внутреннюю, так и во внешнюю жизнь доверившихся ему. Он мог быть снисходительным, но нигде не видно попустительства. Есть свидетельство, что при всей своей мягкости он бывал суров на исповеди. Именно, присущая ему великая справедливость покоряла ему все сердца.

Смирение, которое так часто упоминается в связи с обликом Преподобного, имеет совершенно другое значение, нежели в современном смысле слова. Преподобный был, прежде всего, строителем, строитель же не может быть смиренником, ибо он знает ответственность. Многие черты древних событий преломляются совершенно иначе для нас, прежде всего, по причине разного понимания слов. Смирение его было самоотречением, но не самоуничижением, ибо иначе разве мог он явиться духовным

наставником столь выдающейся паствы и создать такую мощную духовную твердыню? Разве мог бы он принять ответственность перед всем народом, благословив воинство на страшный бой с вековым врагом Земли Русской? Он знал силу духа своего, он знал Волю Сил Высших. Мерилом величия духа всегда будет сознательно принятая тяжесть ответственности. И, как мы видим, Преподобный знал эту меру и принял полную чашу.

Также и в труженичестве Сергия на братию «яко раб купленный» в то время, когда в Обители его порядок был ещё особножитный, многие склонны видеть и даже сугубо подчёркивать выявление какого-то особого смирения. Но не справедливее ли видеть в этом действии, помимо священного, воспитательного значения труда, пример великого сотрудничества. Мудрый Сергей-Строитель понимал, что без сотрудничества не только ничего нельзя построить, но ничто и жить не может, и потому своим личным примером хотел запечатлеть в сознании учеников и проходящих к нему великое значение сотрудничества как в большом, так и в малом. Подтверждением этому служит введённый им впоследствии в Обители порядок общежитный, при котором каждый трудился не для себя только, но прежде всего для общей пользы. Так было заложено Преподобным начало понимания сотрудничества. Порядок этот был введён им не только в Троицкой Обители, но и во всех других, учреждённых им самим или его учениками.

Можно сказать, что подвижническая жизнь Сергия, своим личным примером введя в жизнь высокое нравственное учение, отметила Новую Эру в жизни Земли Русской. Благодаря широкому установлению им и учениками его новых обителей, школ суровой подвижнической жизни, сильно поднялась нравственность народа. Возникшие вокруг таких монастырей-школ целые селения и посады постоянно имели перед собою неповторяемую школу высокого самоотречения и бескорыстного служения ближнему. Разве могла быть одержана победа над страшным врагом, если бы дух народа не был напитан огненной благодатью, исходившей во всей её неисчерпаемости от его великого Наставника и Заступника?

С притоком некоторых средств, в особенности же с возрастающим числом братии, в жизнь Обители проник и известный элемент разъединения, ибо братия состояла из людей, весьма различных по возрасту, состоянию, сословию и по духовному укладу. Мы уже видели, как стоило задержаться везу с хлебом, и братия, избранная и возлюбленная, не верит ни на час. Трудно стало и на реку ходить, и понадобилось сотворение чуда открытия источника. Многим нужна не Благодать, но благоденствие тела. Так, когда Обитель перестала нуждаться, не замедлил вернуться и брат Стефан.

Но ещё больше разногласий возникло, когда Преподобный Сергей, непрестанно заботясь о внутреннем и духовном преуспении своей паствы, решил ввести в своей Обители общежитие. Вначале устав жития в Троицкой Обители на Маковце был особножитным, то есть каждый монах имел свою келью, сам одевал себя и готовил себе пищу, имел даже некоторую собственность в келье, подчиняясь лишь общему для всех игуменскому надзору в делах духовных. Но с ростом монастыря и братии такое положение становилось затруднительным, разность в положении братии порождала зависть и неурядицы. Преподобный увидел себя вынужденным учредить более строгий порядок, приближавшийся к первохристианским общинам, – все равны и ни у кого нет ничего своего, вся жизнь общинная.

Чтобы придать своему начинанию больше твёрдости и авторитета, Преподобный, поддерживаемый митрополитом Алексием, получил от Константинопольского патриарха Филофея грамоту и благословение на введение в монастыре «общежития».

В житии мы находим рассказ о видении, предсказавшем Сергию будущий рост и процветание его Обители. По-видимому, это видение относится ко времени, когда

Преподобный был обеспокоен мыслями о переустройстве монастырского быта, к введению общежития.

Однажды в глухую ночь Преподобный, в великой заботе о духовных чадах своих, бодрствовал на молитве и услышал голос, звавший его: «Сергие!».

Удивился Преподобный необычному зову во ночи, открыл оконце келии и увидел видение дивное. Свет лучезарный как бы струился с неба, и столь блистающ был этот Свет, что яркостью превосходил свет дневной.

И снова голос произнёс: «Сергие! Ты молишься о чадах своих. Господь услышал моления твои».

При этом Преподобный увидел множество птиц, «зело прекрасных», прилетевших не только в монастырь, но и вокруг монастыря, и таинственный голос продолжал: «Смотри и виждь множество иноков, шедшихся в паству, тобою направляемую. Так умножится стадо учеников твоих и по тебе не оскудеют, аще восхотят стопам твоим последовати».

Сергий, исполненный великой радости духовной, поспешил позвать архимандрита Симона, жившего с ним рядом, который ещё застал конец видения – чудный Свет Небесный.

Несомненно, это видение ещё более укрепило его в задуманном им переустройстве монастырского быта. Введение общежития потребовало расширения и постройки новых зданий, как-то: общей трапезы, поварни, пекарни, кладовых, амбаров, и учреждения между братией целого ряда хозяйственных и церковно-общественных должностей, что и было осуществлено Преподобным (в 1354 г.), несмотря на недовольство части братии. «Тако разрядиша братию по службам: ового келаря, ового подкеларника, ового казначея, ового уставщика, овых трапезников, иных же поваров, других же хлебников, иных же большим служить; и все богатство и имение монастырское обще сотвориша и никому же ничто же свое держати, ниже своим звати, но вся обща имети. Елицы же тако не восхотеша, отай изыдоша из монастыря, и оттоле уставися общее житие в монастыре святаго Сергия, иже в Радонежи, во славу Пресвятыя Троицы».

Конечно, такое нововведение расширяло и усложняло деятельность Преподобного. Теперь он являлся ответственным за весь быт монастыря. Частная собственность была строго воспрещена, что и вызвало главное недовольство среди братии. Все способные должны были трудиться, и, как мы знаем, Преподобный продолжал подавать пример, исполняя, несмотря на свой высокий сан, самую тяжкую работу, при этом всячески поощряя в братии насаждение духовно-просветительных искусств, как иконопись и списывание книг и расцвечивание их узорами и заставками в красках и золотом. Так, племянник Сергия Феодор, постриженный ещё в юности, овладел искусством иконописания и перенёс его в Андрониев монастырь, в Москву, где жил и знаменитый Андрей Рублёв.

Феодор, племянник Преподобного, был поставлен им впоследствии игуменом Симоновского монастыря. Существует рассказ, как Преподобный, бывая у своего «братанича», к немалому его и всей братии удивлению, прежде всего заходил в хлебню и беседовал часами «о пользе душевной» с юродствующим послушником Кириллом. Впоследствии Кирилл этот был известен своей подвижнической жизнью и основал знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь. Трудно было усмотреть в юродствующем тогда иноке задатки к великому духовному строительству, но духовному прозрению Преподобного открыты были тайники души человеческой.

Не преминул Преподобный учредить и странноприимный дом. Все избытки монастырские, по уставу его, шли на питание и подаяние просящим. Есть указание, что первая богадельня в Обители возникла при Сергии и, во всяком случае, он первый положил начало монастырской благотворительности.

Преподобный Сергий ещё с детства был приучен почитать и помогать странникам-богоискателям и свято хранил память о посещении чудесного Старца, предрекшего ему путь его. Потому и учреждение странноприимного дома он считал столь важным, что подкрепил его особым предречением: «Если сию заповедь мою соблюдете без роптания, то и по отхождении моем от жития сего Обитель весьма распространится и будет в ней всякое изобилие и на многие лета неразрушима постоит благостью Христовою». Как красноречиво выражается Епифаний: «Рука Сергиева была простерта, яко река многоводная, тихая струями».

Если кому случалось в зимнюю стужу быть задержанным в пути метелью и глубокими снегами, то в Обители он находил пристанище и получал всё необходимое; «странные же и нищие и болящие многие дни в ней отдыхали в полном довольствии и успокоении». Так уединённая Обитель Сергиева выдвинулась из дремучих лесов на распустье стезей человеческих, и близ неё пролегла большая дорога от Москвы на северные города. Князья, воеводы и воинства их, неоднократно проходя мимо гостеприимных врат Обители, заходили и всегда были принимаемы с честью и отпускаемы с обильною пищею. Сергий веровал, что рука дающего не оскудеет, и действительно, слава о чудесах и великом духовном Наставнике широко разошлась за пределы Московского княжества, принося с собою и новые средства для широкого благого строительства. Народ обрёл в Преподобном отца, наставника, судью справедливого, целителя как духовных, так и телесных немощей своих, и заступника перед всякого рода утеснителями. Истинно, никто более него не подходил под характеристику Святого древней Руси – «Земной Ангел и Небесный Человек».

Можно было бы думать, что Троицкая Обитель под управлением уже столь прославленного, благодатного и возлюбленного игумена будет крепка и едина духом и безопасна от всяких внутренних потрясений, но вот случилось происшествие, которое едва не лишило Обитель её Благодатного Покрова и не нарушило само основание её. Возможно, что причиною этого опять-таки явилось недовольство, таившееся среди братии из-за введения общежития. В жизнеописании нет на это определённых указаний, но связано оно со Стефаном, братом Преподобного.

В один субботний день сам Преподобный служил и был в алтаре, Стефан же, брат его, стоял на клиросе. И вот Преподобный слышит голос брата, резко выговаривающий канонарху за какой-то, по его мнению, непорядок в чинопоследовании. На ответ, что так правят службу по указанию самого игумена, Стефан запальчиво, в раздражении произнёс: «Какой он игумен! Не я ли старше его? Не я ли основал место сие?» При этом произнёс он и другие немирные слова, которые тоже услышал Преподобный, «и ина некая изрек, их же не лепо бе».

Дослужив всенощную, Преподобный и виду не подал, что слышал, но в ту же ночь оставил монастырь. Трудно сказать, какая именно мысль побудила его, по окончании вечерни, тайно удалиться из монастыря. Игуменство с самого начала не привлекало его и скорее тяготило, но, зная всю ясность, всё спокойствие и долготерпение его, невозможно предположить, чтобы поступок брата так повлиял на него, что он оставил Обитель, чуть не собственноручно выстроенную им. Несомненно, более глубокие причины заставили его принять столь острое решение.

Он чувствовал, что тут не один Стефан, но многие среди братии недовольны за введение общежития, за многие суровые правила жизни, и решил не разжигать страстей и предоставить иноков их совести. Вероятно, Высшее Водительство, всегда направлявшее его, и здесь подсказало ему это решение, ибо этим поступком он, с одной стороны, показал пример великого самоотречения, нежелание служить причиною раздора и явить хотя бы намёк на предрержание власти, с другой же – как бы налагал новое испытание на свою

духовную паству, чтобы тем ярче выявить негодных и отобрать лучший элемент, а также заложить ещё один духовный очаг.

Итак, глухою ночью вышел он одинокий из столь любимой им Обители искать нового подвига, нового строительства. И наутро, усталый и запыханный, он у врат Махрицкого монастыря, основателем и настоятелем которого был его друг Стефан. Узнав о прибытии Преподобного Сергия, Стефан велел ударить в «било» и со всею братией спешит ему навстречу. Поклонясь друг другу до земли, ни один не хочет подыматься первым. Наконец Сергию, как пришедшему, пришлось уступить и благословить Стефана. После продолжительной беседы любви Сергий рассказал ему о происшедшем в его Обители и просил дать ему проводника для отыскания места для основания нового пустынного жития.

Обойдя многие пустынные места, Преподобный нашёл подходящее место на реке Киржач. Там Преподобный и поселился и заложил основание храма во имя Благовещения Пречистой Богоматери. Но недолго оставался он в одиночестве. После его ухода произошло смятение в Обители. Большинство было глубоко огорчено. Наступившее тягостное настроение и безначалие тотчас же после ухода Преподобного настолько потрясло дух подвижников, что некоторые из них стали удаляться в другие монастыри, а наиболее преданные решились искать Преподобного. Долго странствовали они по необитаемым лесам Владимирской губернии без всякого успеха. Пока, наконец, некоторым из них, шедшим мимо Махрицкого монастыря, удалось узнать от братии монастыря о пребывании своего Наставника. В великой радости одни из них немедленно ушли к Сергию на Киржач, другие же поспешили в свою Обитель оповестить скорбевшую братию и пришли позднее. Преподобный по-прежнему с любовью принимал их и вновь строил им кельи.

Он, всю свою жизнь искавший уединения, никогда не мог остаться один; чудесный Огонь, горевший в нём, привлекал к нему хотя бы раз увидевших его. Всю свою жизнь он отказывался от власти, никогда никого ни в чём не приневоливал и более всего любил богомыслие и труд, а люди жаждали его слова, его наставления. Также никогда ни от кого не ждал он помощи. Для него вся помощь была в нём самом и в Ведущей его Благодати. И может быть, нигде так ярко не сказалась эта черта «неоскудения духовного», как в его уходе на новое заложение и строение ещё одной духовной твердыни.

Когда разнеслась весть, что Преподобный основывает новую Обитель, много подражателей пришло к нему, монахов и мирских. Князья и бояре дали денежные пособия на устройство нового монастыря. При таком содействии работы по устройству нового общежития и церкви быстро продвигались.

Тем временем старцы, оставшиеся в покинутой Обители, видя, что их великая Обитель с каждым днём пустеет, решили отправиться к митрополиту Алексию с просьбою о воздействии на Преподобного. Святитель обещал им возратить их игумена и немедленно послал к Сергию двух архимандритов, Герасима и Павла, с посланием, исполненным искреннею любовью и признательностью ко всем подвижническим трудам Преподобного, и увещеванием вернуться в Обитель Пресвятой Троицы и утешить плачущую в разлуке братию. «Только не ослушайся нас, и милость Божия и наше благословение всегда пребудут с тобою».

И принял Сергий, не отверг просьбу братии и митрополита, и вернулся в любимую Обитель свою. Святитель Алексей, глубоко чтивший его, немедленно прислал к нему богатую утварь для нового храма, освящённого во имя Благовещения, и вклады и дары для Обители Киржачской. Преподобный назначил своим преемником в новоучреждённой Обители ученика своего Романа и вместе с другими, пришедшими из великой Обители к

нему на Киржач, поручил ему хранить правило общежития, сам же вернулся в свою Троицкую Обитель.

Епифаний трогательно описывает это возвращение: «Умилительно было видеть, как одни со слезами радости, другие со слезами раскаяния ученики бросились к ногам Святого Старца: одни целовали ему руки, другие – ноги, третьи – самую одежду его; иные, как малые дети, забегали вперёд, чтобы налюбоваться на своего желанного Авву, и крестились от радости; со всех сторон слышались восклицания: "Слава Тебе, Боже, обо всём Промышляющий! Слава Тебе, Господе, что сподобил Ты нас, осиротевших было, увидеть нашего Отца"». И Преподобный радовался духом, видя любовь и раскаяние чад своих, утвердившихся в опыте преданности и послушания. Так Преподобный, по своей величайшей кротости и чуждый всякого насилия, изгнавший себя из монастыря, дабы не встать на пути изгонявших его, возвратился в Обитель в новом обаянии своего облика, всеми желанного, всеми возлюбленного Отца и Заступника. Сергей победил и достиг высшего, оставаясь верным своему основному правилу, что не насилие, но свобода и любовь побеждают. После таких испытаний, после очищения Обители от негодного элемента, жизнь подвижников Троицкой Лавры потекла мирно.

Уже с половины жизни Облик Преподобного вошёл в сознание народа русского как всенародный Учитель, Заступник и Ободритель. Кто может исчислить, какое множество народа шло к нему со всеми своими нуждами, большими и малыми? Но слава о святости и мудрости Сергия распространилась по всей Руси и помимо воли выдвинула его и на поприще государственной деятельности.

К этому времени устанавливается и его великая дружба со Святителем Алексием, утверждённым в звании Митрополита всея Руси. Святитель Алексей часто приезжал в Троицкую Обитель отдохнуть и посоветоваться с мудрым Старцем. Эти два великие подвижника, духовно соединённые узами любви и понимания, в полном единении работали на благо народа русского, всячески помогая духовному просвещению и строительству Земли Русской. Можно сказать, что они явились наследниками и продолжателями дела святого Петра, первого митрополита Московского, по собиранию и укреплению Московского Государства. Часты в то время были междоусобия среди князей, оспаривавших друг у друга ханский ярлык на великокняжество, и митрополит Алексей неоднократно возлагал на Преподобного труднейшие политические поручения словом и убеждением усмирить распри удельных князей и привести их к признанию верховной власти князя Московского. И настолько было велико обаяние личности Преподобного, что самые упорные смирялись перед силою и мудростью его слов.

Также около этого времени совершается величайшее дело по распространению и насаждению новых обителей учениками Преподобного. По разным направлениям, широко наметились эти ячейки духовной культуры. Преподобный, кроме своей первоначальной Обители на Маковце, сам построил и Обитель Киржачскую. Кроме того, по поручению великого князя Дмитрия Ивановича, основал два Дубенских монастыря, затем Московский Симонов монастырь и Голутвинский. Им же, по просьбе князя Владимира Андреевича Храброго, был заложен монастырь Высоцкий в Серпухове. Преподобный Сергей помогал и митрополиту Алексию в устройстве Московского Андроникова монастыря. Причём все места для Обителей Преподобный избирал сам лично, совершая все эти многовёрстные передвижения пешком. Ещё при жизни Преподобного ученики его были поставлены им игуменами в основанных им монастырях. Так, Блаженный Роман – первый игумен Киржачской Обители; Преподобный Андроник – настоятель Спасского монастыря на реке Яузе, из которого вышли знаменитые иконописцы Даниил Чёрный и Андрей Рублёв; Блаженный Сергей и Павел, основатели Борисоглебского монастыря; Святой Феодор,

племянник Преподобного, игумен Симоновского монастыря; Преподобный Мефодий Яхромский, основатель Свято-Никольского Пешношского монастыря; Преподобный Афанасий, первый игумен Серпуховского Высоцкого монастыря; Преподобный Авраамий, устроитель Обители на Галицком озере, построивший потом ещё три монастыря в Чудской земле; Никон Радонежский, которого Сергей за полгода до своей кончины поставил своим преемником в Троицкой Обители.

Духовными советами Преподобного пользовались также подвижники Кирилл и Ферапонт, основатели знаменитой Кирилло-Белозерской Обители на Белом озере; Преподобный Савва, основатель монастыря Сторожевского; Преподобный Сильвестр Обнорский, игумен Воскресенского монастыря на Обноре; Преподобный Павел Комельский, или Обнорский; Преподобный Сергей Нуромский и Преподобный Дмитрий Прилуцкий; Иаков, основатель Предтеченской Железоборской Обители; Ферапонт Можайский и прочие. В общем ученики и «собеседники» Преподобного основали до 40 монастырей нового типа, ученики его учеников – ещё около 60. Из Московской области введённое Святым Сергием монастырское общежитие распространилось на север – в обширную область Поморья, и на запад – в области Псковскую и Новгородскую.

Итак, по его почину пустынное житие широко распространилось в Московской Руси. В XV и XVI веках все леса северной Руси населились пустынножителями, духовными чадами и подражателями Преподобного. Около этих уединённых хижин быстро вырастали новые и новые обители. В XV веке в одной Московской Руси было основано до 57 пустынных монастырей. Велико было историческое значение монастырей в деле строительства Российского Государства, ибо, по завету Преподобного, они основывались в местах пустынных и диких и, конечно, привлекали к себе население, которому было удобнее и духовно радостнее и прочнее жить при них. Таким образом, они явились истинными рассадниками жизни и просвещения, своего рода колонизаторами; они развивали земледелие, строительство, насаждали ремёсла и на культуре духа закладывали основу государственности.

Итак, Святой Сергей явился отцом северного русского монашества, основоположником Святой Руси и также предтечею будущих старцев. Но, помимо того, велико было его значение и в общегосударственной жизни народа. Мы видели, как неоднократно он улаживал распри между князьями, грозившие неисчислимыми бедствиями молодому государству. Он же скрепил своею подписью закон о престолонаследии от отца к сыну, положивший конец междоусобным соискательствам, раздиравшим Землю Русскую. Но апофеозом деятельности Преподобного было его историческое благословение на страшную битву великого князя Дмитрия. Он знал, какое следствие будет иметь его слово, и принял на себя эту ответственность. И следствием этого вдохновения и ободрения была великая победа над вековыми утеснителями. Победа эта явилась поворотным пунктом в истории молодого Московского Государства; несмотря на ещё угрожавшее нападение врагов, всё же она настолько укрепила веру народа в свои силы, настолько подняла дух его, что Московское Государство смогло укрепиться, чтобы с течением времени развиться в Великую Державу Всероссийскую.

Около 1377 года митрополит Алексей, чувствовавший себя уже стареющим и слабым и давно лелеявший мысль оставить после себя преемником Преподобного Сергия, решил воспользоваться обычаем, установившимся у русских митрополитов, ещё при жизни назначать себе преемника. По вызову митрополита Преподобный явился к нему, и посреди дружественной духовной беседы Алексей приказал принести золотой «парамандный» крест митрополичий, с драгоценными камнями, и подал его Преподобному. Но Святой просто ответил: «Прости мне, Владыко, от юности я не был златоносцем и в старости подобает мне быть в нищете».

«Знаю, что таково было всегда твоё житие, – ответил митрополит, – но теперь яви послушание и прими от меня дар сей в благословение». И сам возложил на Преподобного крест. При этом он сообщил ему о возможном назначении Киприана в митрополиты и выразил ему все свои опасения и сомнения в этом человеке, тогда как Преподобного он настолько знает, что с великою радостью назначает его своим преемником. И снова просил его не отказываться, указывая и на то, что назначение его будет всеми радостно принято, ибо таково желание от великого князя до простых людей. Но Сергей оставался непреклонен: «Прости мне, Владыко, – говорил он, – ты хочешь возложить на меня бремя выше меры, но ты не найдёшь во мне того, что ищешь. И если не хочешь ты отогнать моей нищеты от слышания твоей святыни, не говори более о том».

Алексий понял, и не настаивал более. Знал он твёрдую волю своего друга. Преподобный мог делать лишь то, к чему был призван, лишь водительству внутреннему верил он. И здесь он сумел убедить Святителя, что и для церкви лучше, если он будет продолжать своё дело.

И в этом случае Преподобный выказал себя прозорливцем. Внутренний голос, или, вернее, Силы Высшие, водившие им, не предназначали его к этой деятельности. Вскоре после этого, 12 февраля 1378 года, на 85-м году жизни умер Святитель Алексий, и тотчас же началась десятилетняя борьба за митрополичью кафедру. Печальная страница это была в истории церкви.

Соперники, оспаривавшие друг у друга кафедру, были архимандрит Михаил, почему-то прозванный Митяем и бывший духовником великого князя, также епископ Дионисий и Киприан, но самым сильным был Михаил. Все эти соперники наперерыв старались заручиться благословением Святого Сергия – столь велик был его авторитет. Михаил, не добившись его, простёр свою дерзость до того, что стал угрожать самому игумену Троицкой Обители за его якобы неодобрение в снискании им власти и грозил разрушить монастырь. Но Святой Сергей только говорил братии: «Митяй негодует на нас и замышляет недоброе против нас, но не увидит он Константинополя, не увидит посему и сана митрополита».

Пророчество Преподобного исполнилось. Архимандрит Михаил, отправленный великим князем в Константинополь, чтобы принять жезл митрополита, скоропостижно скончался в пути. После этого митрополит Киприан в 1381 году был вызван из Киева в Москву.

Велика была утрата в лице Святителя Алексея для молодого, ещё не окрепшего государства. Но великий князь Дмитрий, лишившись в Святителе Алексии своего заступника и главного советника, нашёл его в Преподобном. Нравственное влияние Преподобного на князя Дмитрия было велико. Теперь мы подходим к самому ответственному и героическому времени в жизни Преподобного, к благословию им русского воинства на великую Куликовскую битву.

Сделаем краткий исторический обзор того времени. Уже около двух веков Русь томилась под игом татар. Князья то и дело путешествовали в Золотую Орду с подарками и данью к ханам. Не имея единодушия между собою, князья и не помышляли свергнуть иго, столь тяжкое для Руси. Наоборот, они даже, во взаимной вражде за великокняжеский ярлык, не раз сами приглашали на помощь себе татар. Много кровавых страниц хранит история этого периода русской истории. Но наконец Московским князьям, поддержанным церковью, удалось сосредоточить великокняжескую власть в своих руках и начать великое дело собирания и строительства Русского Государства. Первым митрополитом, перенёсшим свою Митрополию в Москву и тем закрепившим значение Москвы для всей Руси, был Пётр. Его выдающийся ум прозревал в будущее, и ему удалось даже завоевать

уважение ханов к Русской Церкви. По преданию, он предсказал величие Москвы, хотя сам и жил ещё во время могущества Орды. Преемник его Алексей уже видел зарницы этого величия, Сергию же выпала величайшая историческая миссия нравственно поддержать и благословить великого князя Дмитрия на первое поражение татар.

Когда в 1375 году Дмитрий двинулся на Михаила Тверского, своего главного внутреннего противника, происками исхлопотавшего себе от Золотой Орды великокняжеский ярлык, то его уже поддерживало большинство князей, и ему удалось разбить Михаила и принудить его к отказу от всех притязаний. Дмитрий уже не так считался с Ордою. Новый дух – сознание единства – соединял князей, изменилось и сознание народа; видя единение среди своих вождей, народ окреп духом, страх перед врагом стал утихать, и явилось сознание своего права и достоинства.

В Золотой Орде в это время ханом был Мамай, и, конечно, он не мог отнестись спокойно к выказанному пренебрежению его указу и к растущей самостоятельности Дмитрия, и он начал посылать новые карательные отряды на Русь.

В 1377 году татары неожиданным набегом разграбили Нижний, и в 1378 году была выслана новая рать под водительством мурзы Бегича, но Дмитрий обходом и стремительным натиском нанёс первое поражение татарам на реке Воже. Событие это сильно подняло дух народа русского.

С этого времени Мамай решил похоронить всякую память о России под развалинами и пеплом. Он собрал всю Волжскую Орду, сговорился с Литовским князем Ягайло и русским князем Олегом Рязанским и летом 1380 года поставил свою ставку при устье реки Воронеж. Время для Руси настало грозное. Митрополит Алексей уже умер, нового митрополита ещё не было, ибо в церкви происходили смуты соискательства. И тут выступил во всей силе своего обаяния Преподобный Сергей. Кто же другой мог поднять весь народ и вдохнуть такую несокрушимую веру в правоту дела, следовательно, и в победу? Самый мирный Подвижник, чуждый всякому насилию, без колебания благословляет князя и воинство его на подвиг за правое дело, за народ, за Русь.

18 августа Дмитрий со многими князьями и воеводами едет в Обитель за последним благословением Преподобного перед страшным боем. Можно себе представить, сколь сурово и торжественно было это молебствие и напутствие! Князь спешит к своим храбрым сподвижникам, ибо гонцы, один за другим, приносили вести о передвижении врага, но Преподобный просит, чтобы он отслушал Божественную Литургию и остался к трапезе: «Обед сей тебе, Государь, будет на пользу».

И среди трапезы Преподобный исполнился пророческого духа и воскликнул: «Господь Бог тебе помощник. Ещё не пришло время тебе самому носить венец сей победы с вечным сном, прочим же многим сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечною памятью». После трапезы, осенив крестом и святою водой князя и воевод, Преподобный Сергей, может быть, желая ещё раз утвердить в мыслях всех присутствовавших правоту подвига их и что иного выхода не остаётся, обращается к князю со словами: «Подобает тебе, Господине, заботиться о стаде, порученном Богом, и выступить против безбожных», – и затем вопрошает: «Всё ли ты сделал, все ли меры использовал, чтобы предотвратить страшную битву?» И князь ответил, что он всё сделал, но безуспешно.

«Если так, – сказал Сергей, – то врага ждёт конечное погубление, а тебя помощь и слава от Господа».

Князь, в глубоком душевном волнении, внимал словам Преподобного и припал к ногам его для последнего благословения. Осенив его ещё раз крестом, Преподобный тихо сказал ему: «Иде же, Господине, небоязненно. Господь поможет тебе на безбожных врагов, ты победишь враги твоя!»

Окрылённый и обнадёженный словами Преподобного, Дмитрий спешит к воинству своему. Преподобный же, проводив князя, почти безвыходно пребывал со своею братией в церкви, посылая всю силу духа своего на помощь великому делу. Находясь в великом духовном подъёме, Преподобный в прозрении увидел необходимость ещё раз укрепить мужество воинства и решил послать великому князю с собственноручной грамотой двух иноков, подвизавшихся в числе братии, Александра Пересвета (бывшего боярина Брянского) и Андрея Ослябю (боярина Любецкого), мужество которых и искусство воинское было ещё у всех в памяти: за необыкновенную силу они прослыли богатырями. Этих-то иноков Сергей и избрал помощниками князю, чтобы они своим мужеством, как всецело отдавшие себя Богу, послужили примером его воинству. И как бы прозревая их близкую кончину, Преподобный облёк их в великую схиму. И, вручая им для передачи князю грамоту, оканчивавшуюся словами: «Чтобы ты, Господине, так и шёл вперёд, а поможет ти Бог и Святая Богородица», сказал: «...Мир вам, возлюбленные о Христе братие! Мужайтесь... пришло время ваша купли».

Тем временем Дмитрий с воинством подошёл к Дону, и воеводы заколебались – переходить ли им Дон, ибо в случае отступления путь будет отрезан. Потому можно себе представить, какое впечатление произвела весть о прибытии таких необычных посланцев с грамотой Преподобного, пророческой и указующей идти вперёд. Великий Заступник Земли Русской как бы сам посетил и благословил на победу воинство русское. Посещение это в столь важную и решительную минуту повлияло на исход всей битвы. Теперь и самые слабые сердца запылали храбростью и жаждою подвига. Дмитрий, приняв личное начальство над воинством, смело повёл свои полки на Куликово поле.

Наступил грозный день битвы (8 сентября 1380 года). Приводим прекрасное описание приготовления к этому бою у Бориса Зайцева.

«8-е сентября 1380 года! Хмурый рассвет, Дон и Непрядва, Куликово поле и дух Слова о полку Игореве! Русь вышла снова в степь, меряться со зверем степи. Как всё глубоко напряжённо и серьёзно! Перед сражением молятся. Читают "ратям" грамоту Преподобного. Над ставкой стяг великокняжеский с золотым образом Спасителя. Осенние туманы, медленный рассвет, хладно-серебряный. Роса, утренний холод. За Непрядвой не то стоны, не то грохот дальний. Люди умываются, подтягивают у коней подпруги, надевают чистые рубахи, и в последний раз оружие своё отрагивают. Строятся. Идут на смерть...

К полудню показались и татары. Дмитрий выехал драться лично, "в первом суйме", передовой стычке. Таков обычай. Ранен не был, но доспех помяли. Тут же, по преданию, на зов татарского богатыря выскакал Пересвет, давно готовый к смерти, и, схватившись с Челибеем, поразив его, сам пал.

Началась общая битва, на громадном, по тем временам, фронте в десять вёрст. Сергей правильно сказал: "Многим плетутся венки мученические". Их было сплетено немало...»

Преподобный же в эти часы находился со всею братией в церкви, тело его было здесь, но духом он был там, где совершалась судьба России. Перед его духовными очами проходили все перипетии боя, он сообщал братии о ходе битвы, от времени до времени называя имена павших воинов, и тут же читал заупокойные молитвы за них. Наконец он возвестил о совершенном поражении врагов и воздал со всею братией благодарение Богу.

Предсказание Преподобного Сергея исполнилось. По возвращении своём Дмитрий, уже во славе Донского героя, немедленно едет к Преподобному, чтобы вознести благодарение Господу и принять благословение Сергея. Трогательная была встреча. Вновь служили молебствие, но и панихиды, потери были огромные.

Но велико было значение победы. Она ещё больше подняла дух народа, и почитание Преподобного ещё более возросло. Но не успела ещё Русь окрепнуть от страшной Куликовской битвы, как уже нагрянул новый удар. Тохтамыш, разбив Мамаю и завладев его ханством в Золотой Орде, пошёл на Русь и, пользуясь изменою Рязанского князя Олега, двинулся секретными дорогами на Москву. Дмитрий вынужден был бежать на север, в Кострому и Переяславль, собирать войско. Тем временем Кремль, оставшийся без князя, был предательски захвачен татарами. Тохтамыш, опустошив Москву и окрестности её, разорил города Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск и другие, но прослышав, что великий князь идёт ему в тыл, не дойдя до Троицкой Обители, быстро удался. Покров Сил Высших не допустил разгромления Святыни, прославленной подвигами Преподобного, и вражеские руки не коснулись священной Обители.

Страшны были татары, но ещё страшнее и губительнее для Земли Русской были всё ещё продолжавшиеся раздоры между князьями. Как известно, некоторые из них, в своём противодействии укреплению Московского великого князя, вступали даже в союз с врагами – татарами и литовцами. Преподобный Сергей, вместе со Святителем Алексием и после него, всячески содействовал умиротворению таких раздоров и укреплению власти великого князя Московского. Так, в 1365 году он посетил Нижний Новгород и склонил князя Бориса Константиновича, захватившего этот город у своего брата князя Дмитрия, вернуть его и признать власть великого князя Московского. Так и в 1385 году великий князь обратился к Преподобному с просьбою уладить его отношения с грозным и неукротимым князем Олегом Рязанским, давнишним врагом Москвы и союзником Мамаю и Ольгерда. Вся жизнь этого вероломного князя прошла в интригах и походах, и не раз способствовал он и ханским нашествиям на Землю Русскую. Многих послов посылал Дмитрий к Олегу, но высокомерный князь никого не хотел слушать. Тогда великий князь обратился к Преподобному. И вот Сергей, уже 70-летний старец, идёт в Рязань, чтобы утвердить прочный мир между князьями. Чудный Старец долго беседовал с суровым князем и своим огненным духом и словами сердца привёл его в такое умиление, что уговорил заключить вечный союз с великим князем Дмитрием.

Искреннюю любовь и уважение питал к Преподобному сам великий князь Дмитрий и во всех трудных вопросах обращался к нему за советом, нередко и сам навещал его. Преподобный был восприемником детей его, и даже духовная князя скреплена подписью Преподобного. В этой духовной навсегда был установлен порядок престолонаследия от отца к сыну; таким порядком был положен ещё один камень основания Великого Русского Государства. Преподобный Сергей присутствовал и при кончине великого князя Дмитрия в 1389 году.

Во второй половине XIV века с православного Востока стало проникать в мир славянский учение Григория Синаита, так называемое «умное делание», конечная цель которого состояла в установлении постоянного памятования или, вернее, через памятование введение в сердце непрерывного общения с Силами Высшими, для чего давались многие предписания и даже чисто механические приёмы этого умственного достижения. Нигде не находим указаний, чтобы Преподобный применял это «умное делание» в своём учении, вернее предположить, что он даже запрещал его. Ибо на личном опыте он знал, что постоянное общение с Иерархией Света достигалось, прежде всего и проще всего, путём раскрытия сердца. Раскрытие же сердца не требовало затраты времени ни на какие упражнения исключительно для себя. Среди сознательного и священного труда во имя Светлой Иерархии совершалось это любовное раскрытие, и в сердце

устанавливался постоянный престол во имя Высшего. В познании сердца, этого великого и единственного двигателя и мерила духовности, Преподобный опередил многих духовных путников. Именно он нашёл силу этого источника и через него приобщился к Миру Огненному; об этом ярко свидетельствуют его пламенные видения.

Приводим их, как они описаны в жизнеописании. Исаакий, ученик Преподобного, которого он желал видеть игуменом монастыря на Киржаче, просил его благословить на подвиг молчания. Сергей, не желая насиловать, уступил просьбам своего любимого ученика. В условленный день, после совершения литургии, выйдя из Северных врат, он обратился к стоящему около них Исаакию и осенил его в благословение на трудный подвиг крестным знаменем. И увидел Исаакий, что из руки Преподобного «исходит пламень и объёмлет его». Он стал молчальником; когда же ему хотелось говорить, перед духовными очами его вставал пламень руки Сергия и ограждал его от нарушения обета. Лишь в этом случае и ещё в другом он вынужден был нарушить своё молчание.

Однажды литургию служили Сергей, брат его Стефан и племянник Феодор; Исаакий и Макарий стояли в церкви. Вот видит Исаакий в алтаре четвёртого, чудного Образом, сослужащего им. На первом выходе с Евангелием Он шёл за Преподобным, и весь Облик Его так сиял, что Исаакий не мог смотреть на Него, и чудо это разрешило уста его, и он спросил рядом стоявшего Макария, который, казалось, тоже видел необычайное явление, не знает ли он, кто сей дивный Муж? «Не знаю, – ответил Макарий, – но меня объёмлет страх, когда я взираю на Него».

По окончании литургии оба ученика обратились к Сергию, прося объяснить виденное ими. Сергей вышел из церкви, не промолвив ни слова, но когда вошёл в келью свою, сказал им: «Чада мои, если Господь уже открыл вам тайну сию, то и я не могу утаить от вас, что виденный вами был Ангел Господен, и не только теперь, но и всегда бывает такое посещение Божие мне, недостойному, во время совершения Божественной Литургии. Вы же сохраните сие в тайне до исхода моего».

В другое время Преподобный также служил литургию, и в алтаре стоял его ученик, Симон Экклесиарх, и тоже сподобился чудесного видения. Во время пения «Тебе поем» огонь спал «как бы с неба, и ходил по престолу, объёмля светом окрест весь алтарь» и окружая священнодействующего Сергия. При приобщении же им Святых Даров, свился божественный огонь и вошёл внутрь потира. Так Преподобный причастился огня неопалимого. В трепетном безмолвии стоял его ученик. Но Сергей духом прозорливости понял, что ученик сподобился видения, и спросил его причину потрясшего его трепета. «Я видел благодать Святого Духа, действующую с тобою», – отвечал Симон. Но Сергей запретил ему возвещать кому-либо о виденном до дня его ухода.

Красиво отмечено это явление в книге Бориса Зайцева: «Свет и Огонь! Лёгкий небесный пламень как бы родственен, дружен теперь с Преподобным. "Друг мой Свет", "Друг мой Пламень", – мог сказать пронизанный духовностью, наполовину вышедший из мира Сергей. И не удивит рассказ экклесиарха Симона, видевшего, как огонь небесный сошёл на Св. Дары при освящении их Сергием, "озаряя алтарь, обвиваясь около трапезы и окружая священнодействующего Сергия"».

Воистину, вся жизнь Преподобного могла быть выражена словами: «Ныне Силы Небесные с нами невидимо служат».

Отмечены в жизнеописании случаи прозорливости Преподобного. Один из них связан с именем друга его Святителя Стефана Пермского. Чудо это записано за два года до смерти Преподобного. Спеша в столицу по делам церкви, Святитель Стефан, проезжая и находясь в десяти верстах от Троицкой Обители и не имея времени навестить своего друга, велел остановить лошадей и, встав, поклонился в сторону Обители со словами: «Мир тебе, духовный брат!». Преподобный сидел в это время за трапезой с братией и,

духом прозрев такое приветствие, встал и на глазах удивлённой братии отвесил низкий поклон и произнёс: «Радуйся и ты, Христов пастырь, мир Божий да пребывает с тобою».

Преподобный объяснил удивлённым свидетелям, что он приветствовал епископа Стефана, который с пути послал им благословение. В воспоминание этого случая в Лавре до последнего времени сохранялся трогательный обычай: каждый день во время трапезной, по данному знаку, братия встаёт, и читается краткая молитва.

Можно сказать, что вся жизнь Преподобного была постоянным прозрением в далёкое и близкое будущее. Только огненным напряжением и приобщением достигал он этого трудного качества. Преподобный знал это великое обострение чувств. Все приходившие к нему находили неувядаемую свежесть сердца. И не каким-то особым приёмом, но простым открытием сердца достигал он этого постоянного обострения чувств, преображавшего каждодневность подвига в радостное и торжественное служение на благо ближнему.

К концу жизни Преподобному Сергию явлено было чудесное видение, неразрывно связанное впоследствии со многими его посмертными чудесами.

Несомненно, у Сергия было глубокое почитание Богоматери; тому свидетельствует и второй основанный им монастырь на Киржаче во имя Благовещения, также и его последние слова, обращённые к братии, в которых он вверял любимую паству и Обитель Покровительству и Заступничеству Пречистой. Но более всего, конечно, подтверждает это чудесное видение Пречистой на закате дней его. Это благодатное видение явилось как бы завершением всего пройденного им пути Огненного Служения и утвердило созданное им дело. Некоторые относят его к 1387 году, в одну из пятниц Рождественского поста. В эту незабвенную ночь для Троицкой Обители, когда вся братия спала мирным сном, Святой же Сергей горячо молился перед иконою Божьей Матери; совершив обычное своё правило, он сел немного отдохнуть. Тут же находился его келейник Михей. Внезапно Преподобный воспрянул и сказал ему: «Чадо, трезвься и бодрствуй, сейчас имеет быть нам чудесное посещение», – и едва произнёс он, как услышан был голос: «Се Пречистая грядет».

Святой Сергей поспешил в сени, и тут осенил его ослепительный свет, ярче солнечного, и он телесными глазами увидел Царицу Небесную с Апостолами Петром и Иоанном, блиставшими светом несказанным. Преподобный, не будучи в силах вынести объявшего его трепета, пал на землю. Пречистая прикоснулась к нему рукою и сказала: «Не ужасайся, избранник мой. Услышана молитва твоя, не скорби больше об учениках твоих, и об Обители своей не скорби более. Ибо отныне она всем будет изобиловать, и при жизни твоей и по смерти твоей неотступна буду Я от Обители твоей». Сказав это, Пречистая стала невидима.

Преподобный, исполненный великого потрясения, пребывал как бы в исступлении ума. Придя в себя, он нашёл Михея, лежащего запертво. Очнувшись, Михей стал спрашивать: «Отче, что значит это ужасное и чудное видение, ибо душа моя от ужаса едва не разрешилась от тела?» Но Преподобный и сам ещё не мог говорить от великого трепета, охватившего его, и так стояли они друг против друга, в безмолвии и в удивлении. По истечении некоторого времени, придя окончательно в себя, Преподобный послал Михея позвать иноков Исаака и Симона и передал им все подробности благодатного Посещения. После радостных духовных и сердечных восхищений было совершено молебенствие, иноки разошлись по кельям. Но Преподобный всю ночь провёл без сна, слишком полна была его душа восторгом неизреченным.

В 1388 году Преподобный похоронил любимого ученика своего Исаакия Молчальника, а в 1392 году преставился и Михей, живший в одной келье со своим наставником и свидетель многих чудес, совершённых Сергием, и удостоенный, наконец, видения Небесной Зари и Света необычайного, окружавшего посетившую их Богоматерь.

После этого Посещения и той духовной высоты, которой достиг Преподобный, он уже не долго жил. За полгода до своей кончины Преподобный получил откровение о своём исходе. Призвав братию, он вручил управление Обителью своему ученику преподобному Никону, сам же удалился в келью, в полный затвор, пребывая в безмолвии.

25 сентября 1392 года, на 78-м году от рождения, приобщившись Святых Даров, принесённых в его келью, Святой Сергей благословил собравшуюся вокруг него братию, сказав: «Вот я отхожу к Богу, меня призывающему, вас же предаю Господу и Его Матери.

Она да будет вам прибежищем и стеною крепкою от сетей вражеских».

После чего мирно отошёл. По свидетельству братии, в момент преставления лик Преподобного озарился светом и необыкновенное благоухание наполнило келью.

Прозрение народа в высокую духовную сущность Преподобного особенно ярко отразилось в преданиях, относящихся к его рождению и младенческому состоянию.

Так рассказывается, что мать его однажды была в храме, и во время пения Тропаря Пречистой Троицы младенец, находившийся в утробе её, трижды взыгрался и вскричал. Также в младенчестве его, если матери случалось обремениться скоромной пищей, младенец с трудом брал сосцы, в постные же дни и вовсе отказывался принимать.

В таких преданиях народ, в своём сердечном прозрении, передавал в доступных ему образах ту истинную огненную сущность Преподобного Сергия, которая была не доступна грубым чувствам.

На предания и легенды нельзя смотреть как на выдумки и ложь, ибо именно в них выражен синтез видимого с невидимым – прозрение в тот Мир, где огненными знаками начертана истинная сущность духа человеческого. В легендах народ выявляет свои чаяния и достижения. Потому отнесёмся внимательно ко всем свидетельствам глубокого непосредственного сердечного чувства.

Епифаний, жизнеописатель Преподобного Сергия, дал нам трогательный бытовой облик, сквозь который сияет свет незримый, но он бессилен, да и вообще кто может поведать о его внутренней духовной жизни, о её таинственной глубине. Но всё же личный духовный и неповторяемый опыт Преподобного озаряется для нас его пламенными видениями, они, как огненные вехи, указуют нам пройденный им путь в Обитель Горнюю. Из самих слов, сказанных им свидетелям его огненных видений, можно видеть, что для него самого они были даже обычны. Значит, сколь высоко должно было быть его духовное преобразование, чтобы выдерживать такие пламенные проявления общения с Обителью Огненной! Воистину, с Сергием «говорили Горние Силы на языке Огня и Света»! Воистину, он был избранником Высших!

Вся жизнь Преподобного от самого детства носит на себе печать этой избранности. Таинственный схимник, его пророческие слова уже являются первыми вехами его предназначенного пути. Нам довелось слышать в устной передаче предание, живущее среди народа, что таинственный схимник передал отроку Варфоломею и чудесный камень с указанием зарыть его в определённом месте. Нигде не записано, где зарыт камень, но придёт время – и будет указано это место. Так ещё живо в народе понимание той духовной силы, которая в течение многих столетий питала Землю Русскую.

Само избрание им места для пустынного жития, не было ли оно также предназначено Руководившими им Силами Горними? Не мог ли духом прозреть чудный юноша всё великое значение этого места? И разве вся последующая жизнь его не есть планомерное раскрытие тайн духовных? И разве не приобщался он «пламени неопалюющего»? Разве не сослужил ему Дух Пламенный? И не преступила ли Сама Пречистая порог сеней келии его? Всё это, наряду с его великим самоотречением и

приношением всего себя на служение ближним, с принятием на себя ответственности духовного водительства целого народа, страны, и огненным благословением напутствовавшего воинство в решительную битву, духовно с Силами Небесными приобщаясь к ней, делает его облик неповторённо прекрасным, сияющим Мощью Огненной Великого Вождя и Строителя.

Могут спросить – почему же Сергей не последовал за князем на битву? Неужели он не мог покинуть монастырь? Неужели он считал такую битву недостаточно значительной? Неужели он не желал руководить князем во время битвы?

Конечно, иные соображения остановили Преподобного в монастыре. Если битва была решающей, то и духовное руководство должно было быть чрезвычайным. Лишь на месте, у Престола Огненного, Сергей умножал свою силу. В такую минуту требовалась соединённая мощь Света, и Преподобный сердцем сослужил с Силами Невидимыми. Так воин Сергей избрал дозорную башню, чтобы нести несменную стражу. Не могут силы возражать в смятении битвы, но луч Света идёт за воинами из Обители Огненной. Так нужно понимать мудро распределение сил.

Может быть, не сам Сергей остановил себя в монастыре. Может быть, он очень стремился с князем. Может быть, Сослужитель Огненный шепнул ему: «Останься здесь, где уже создан Престол Огненный». Не пребывал ли он всё время битвы в непрестанном бдении, в духовном подъёме и прозрении всего хода битвы? Может быть, он направлял Легионы Небесные на осуществление Новой Зари?

Почему облик Преподобного так мощно запечатлелся в народном сознании?

Почему народ так возлюбил его и поставил превыше других Подвижников?

Народ инстинктивно чуял, что вся жизнь Преподобного была самоотверженным служением во благо ближних. Народ чуял, что в сердце его звучала боль мира, что он всего себя полагал на пользу мира и тем зажигал своё прозрение.

Ведь немало мужества нужно было, чтобы утвердить государственные дела по своему внутреннему прозрению. Он знал, давая совет великому князю и благословляя его на великую решительную битву, какие последствия будут иметь его указания, и принял на себя ответственность. Принятие ответственности всегда почиталось как испытание Чаши. И Огненный Дух Преподобного знал, как нужна эта Чаша миру, и принял и вознёс её.

Каждое слово, каждое действие Преподобного носило на себе печать убедительности. Той убедительности, которая, даже поверх основной мудрости, покоряет себе. Когда каждый, в глубине существа своего, сознаёт, что так и должно быть и не может быть иначе. Конечно, и это качество, прежде всего, вытекало из Благодати общения с Хранителями Невидимыми, неизменно пребывавшей в сердце его.

Сергий – это живая связь с Миром Огненным!

Может быть, ничто так не приложимо к облику Преподобного, как определение Духотворца. Именно, вся жизнь его была непрестанным духотворением. Народ чуял этот священный дар и стекался к нему со всех сторон, чтобы приобщиться и почерпнуть этой незримой и несказуемой мощи. Чем же иначе объяснить то живительное действие, то высоко ободряющее и возносящее влияние, то чувство духовной крепости, которое ощущали и уносили с собою все окружавшие и приходившие к нему?

Так, по преданию тех же безымянных странников, братия утверждала, что около Преподобного всё оживало и даже злаки лучше росли. И не перечислять тех, кто в видениях и во снах получали совет и помощь Преподобного в телесных и духовных нуждах своих. Днём и ночью дух его бодрствовал над возлюбленным народом.

Как Пламень неугасимый и неисчерпаемый, стоит он и сейчас на дозоре, сердцу и духовным очам доступный и зримый.

Множество светильников Земли Русской зажглось около Огня его, ещё больше, может, предстоит... Неисповедимы пути духа...

Из статьи Николая Рериха «Душа народов»: «Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решение правды, но Имя Святого Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. Будет ли это великое Имя в соборе, будет ли оно в музее, будет ли оно в книгохранилище, оно неизменно пребудет в глубинах души народной.

Опять далеко за пределами церковного подвига строительное и просветительное Имя Святого Сергия хранится в сердцах как драгоценнейший Ковчег Духа. Хранится оно как прибежище народного сознания в трудные минуты мировых перепутий. Не затемнится в существе своём Имя Святого Сергия, не затемнится во множестве других имён – сокровищах души народной, от древних и до многих современных. Тогда, когда нужно, народ опять обращается к выразителю своей сущности»...

И сибирский писатель Георгий Гребенщиков в лекциях своих, посвящённых Преподобному Сергию, знаменательно связывает это великое имя с Сибирью, со славным строительством и неутомимостью.

Вот и страница из прекрасной книги Бориса Зайцева о Преподобном: «Святой Сергий родился более шестисот лет назад, умер более пятисот. Его спокойная, чистая и святая жизнь наполнила собой почти столетие. Входя в него скромным мальчиком Варфоломеем, он ушёл одной из величайших слав России.

Как святой, Сергий одинаково велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нём есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность – сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвное возведение в народного святого, что навряд ли выпало другому.

Сергий жил во времена татарщины. Лично его она не тронула: укрыли леса радонежские. Но он к татарщине не пребыл равнодушен. Отшельник, он спокойно, как всё делал в жизни, поднял крест свой за Россию и благословил Дмитрия Донского на ту битву, Куликовскую, которая для нас навсегда примет символический, таинственный оттенок. В поединке Руси с Ханом имя Сергия навсегда связано с делом созидания России.

Да, Сергий был не только созерцатель, но и делатель. *П р а в о е д е л о*, вот как понимали его пять столетий. Все, кто бывали в Лавре, поклоняясь мощам Преподобного, всегда ощущали образ величайшего благообразия и простоты, правды, святости, покоящийся здесь. Жизнь "бесталанна" без героя. Героический дух средневековья, породивший столько святости, дал здесь блистательное своё проявление.

И естественно, что мерою отношения к Сергию мерили само общество, самый народ. Одних взволнует, умилиет, другим отвратен облик неземной, идущий в жизнь и просветляющий её. Им Сергий враг.

Он враг всем ненавистникам Христа, всем утверждающим *себя* и забывающим об Истине. Их очень много в наше время, когда "раздранье" мира зашло так далеко. Татары, может быть, не тронули бы Сергия, если бы добрались до Лавры: у них было уважение к чужой религии. Митрополит Пётр получил от Узбека охранительную грамоту для духовенства. Наш век, в сознании полнейшей правоты, разгромил Лавру, надругался над мощами Сергия, ибо поверхность века нашего есть ненависть ко Христу, мешающему быть преступником и торгашом.

Но не во власти века затемнить образ Преподобного. Народ в округе создал уже легенду, что истинные его мощи ушли в землю – до поры до времени Святой опять уединился, как уходил от мира грубого при жизни.

Так это или нет, но несомненно, облик Сергия – теперь и в ореоле мученичества – светит ещё чище, ещё обаятельнее. Ведь и Христос победил, быв распят...»

И ещё страница: «Итак, юноша Варфоломей, удалившись в леса на "Маковицу", оказался создателем монастыря, затем монастырей, затем вообще монашества в огромнейшей стране. Меньше всего думал об общественности, уходя в пустыню и рубя собственноручно "церквицу": а оказался и учителем, и миротворцем, ободрителем князей и судьёй совести!..

Участник и политики и малых дел житейских, исцелитель, чудотворец... неутомимый труженик и духовидец, друг лёгкого небесного огня и радонежского медведя, Преподобный Сергий вышел, во влиянии своём на мир, из рамок исторического. Сделав своё дело в жизни, он остался обликом. Ушли князья, татары и монахи, самый монастырь его закрыт, осквернены мощи: а облик жив, и так же светит, учит и ведёт.

Мы Сергия видели задумчивым мальчиком, тихо-послушным; юным отшельником, и игуменом, и знаменитым Сергием-старцем. Видели, как спокойно, неторопливо... восходил мальчик к святому. Видели в обыденности, за работой и на молитве, и на распутиях исторических, на рубежах двух эпох. Из тьмы времён, из отжившего языка летописей иногда доносились слова его, может быть и неточные. Мы хотели бы услышать и его голос – это заказано, как не дано нам проникнуть в свет, лёгкость, огонь его духа.

Но из всего – и отрывочного, и случайного, неточного – чистотой, простотой... веет от Преподобного. Сергий – благоуханнейшее дитя Севера. Прохлада, выдержка и кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел создали единственный образ русского святителя. Сергий глубочайше русский, глубочайше православный. В нём есть смолистость севера России, чистый, крепкий и здоровый её тип... Сергий как раз пример – любимейший самим народом – ясности, света прозрачного и ровного. Он, разумеется, заступник наш. Через пятьсот лет, всматриваясь в его образ, чувствуешь: да, велика Россия! Да, святая сила ей дана. Да, рядом с силой, истиной мы можем жить.

В тяжёлые времена крови, насилия, свирепости, предательства, подлости – неземной облик Сергия утешает и поддерживает. Не оставив по себе писаний, Сергий будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим – одним он утешение и освежение, другим немой укор. Безмолвно Сергий учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере».

Поистине, замечательные страницы русских писаний посвящены Радонежскому Заступнику Земли Русской.

Отойдя в Обитель Света, истинную родину свою, Преподобный не оставил заступничеством своим любимую им паству и Землю Русскую. Неоднократно являлся он кому-либо из братии. Видели его стоящим за всеобщим бдением на своём месте, видели благословляющим братию.

Осенью 1408 года к пределам Московским вновь стали приближаться татары. Игумен Никон, ученик Преподобного, усердно молился, чтобы Господь сохранил Обитель, при этом призывал имя великого Основателя её. Ночью, после молитвы, присел, чтобы отдохнуть, и вот видит Святителей Петра и Алексия и с ними Преподобного Сергия, который сказал ему: «Господу было угодно, чтобы иноплеменики коснулись и сего места, ты же, чадо, не скорби и не смущайся; Обитель не запустеет, а процветёт ещё более». Придя в себя, Никон поспешил к дверям, но они оказались запертыми. Отворив их, он увидел Святых, идущих от его кельи. Тогда понял Никон, что это был не сон, но истинное видение.

Предсказание Преподобного Сергия исполнилось. Татары разорили Обитель и сожгли её. Но предупреждённые иноки временно удалились из монастыря, а когда враги отступили от пределов Московских, Никон,

с незримой помощью Преподобного Сергия, снова отстроил Обитель.

На протяжении столетий непрерывный поток людей со всех концов России, всех положений и состояний, стекался ко гробу Преподобного. Множество чудес и исцелений совершалось там, где в сердце нерушимо пребывала живая связь с великим Молитвенником и Печальником Земли Русской.

Одна из величайших святынь Троице-Сергиевой Обители, икона Явления Богоматери Сергию, сопутствовала русским войскам во всех походах и подвигах, принося им ободрение и надежду на помощь и заступничество Небесных Сил.

В 1552 году, отправляясь под Казань, царь Иван Васильевич посетил Обитель Святого Сергия, чтобы испросить его помощь. Под Казанью шатёр царя был неотлучен от походной церкви во имя Преподобного Сергия, и к нему была обращена молитва царя перед взятием Казани. А из Обители Сергиевой, в час решительной битвы, прибыл, с крестом и образом Явления Богоматери Преподобному Сергию, инок Адриан Ангелов.

По взятии Казани царь повелел в Казани же и в Свяжске основать монастыри во имя Преподобного Сергия и, возвращаясь из похода, вновь посетил Троицкую Обитель, принося благодарность Заступнику Русской Земли.

Троицкий келарь Симон Азарьин в предисловии к своему «Сказанию о новоявленных чудесах Святого Сергия» писал: «Но свыше целебных даров от Бога благодать дана ему всю Российскую землю заступати от находящих врагов христианских... яко Богом данный помощник всему Государству. И всюду и везде царем и великим князем обреташеся Помощник во бранех, яко же на Дону великому князю Дмитрею на безбожного царя Мамаю благословение дав и во время бою посланными своими крепко вооружив... Тако же под Казанью и под Свяжском градом царю и великому князю Ивану на безбожных татар чудесы своими помощь дарова... и где ни быша во бранех цари, государи и великие князи, Преподобнаго Сергия имя во устех присно поминаху и церковь полотняную во имя его на путех близ шатров своих поставляху... також и под Москвою в обозе против Крымскаго царя... И везде, во всяком пути и во всяких напастех имя его призываху, и егда в любовь прихождаху, именем его утверждающеся...»

Но особенно много ободрения и чудес было явлено Преподобным Сергием в тяжкое время Смуты (1607 – 1613). Троицкая Обитель к этому времени, возвышаясь в духовном и общественном значении, преуспевала и в своём строительстве. В 1550 году был закончен большой пятиглавый Успенский собор и вокруг монастыря была сооружена массивная каменная стена с 12-ю башнями, превратившая монастырь в первоклассную крепость, прикрывавшую дорогу из Москвы в северные города. Богатства монастыря настолько возросли, что уже с XVI века казна монастырская могла ссужать значительные суммы на нужды государственные. И конечно, такая крепость, с хранившейся в ней богатой казной, представляла заманчивую добычу для «тушинцев», поляков и литовцев Смутного времени.

На эту духовную твердыню и сокровищницу Земли Русской и устремились хищники, и 23 сентября 1608 года воевода Тушинского царька Пётр Сапега с войском из поляков и литовцев, а также с примкнувшими к ним многочисленными отрядами из тушинцев, подошёл к стенам монастыря. Число врагов, по показаниям пленных, простиралось до 30-ти тысяч. Этой вражеской силе защитники Сергиевой Обители могли противопоставить самые незначительные силы. Царь Василий Иванович прислал в монастырь небольшой отряд под начальством воевод Алексея Голохвастова и князя Долгорукого-Роши. Кроме

того, монастырь вооружил всех своих слуг, служебников и крестьян, и даже братия взялась за оружие. Так что число защитников набралось до 2400 человек. Собралось под защиту монастыря также и всё ближайшее население (между ними были старцы, женщины и дети), что сильно осложняло положение и затрудняло защиту. Враги заняли все дороги, ведущие к монастырю, своими заставами.

Со своей стороны и осаждённые энергично готовились к обороне. Воеводы, совместно с архимандритом и соборными старцами, привели всех защитников к крестному целованию у Раки Преподобного Сергия, с обещанием крепко и непоколебимо стоять против врагов. «И оттоле, – пишет в своём "Сказании" знаменитый келарь Троицкой Лавры Авраамий Палицын, – бысть во граде братолюбие велие и вси со усердием без измены ратовахуся со враги».

Сказание об осаде монастыря повествует о многократных явлениях Преподобного Сергия архимандриту Иосафу и пономарю Иринарху с предупреждениями об опасности и обещаниями помощи.

29 сентября воевода Пётр Сапега и Александр Лисовский прислали в монастырь две грамоты воеводам и архимандриту Иосафу с требованием сдачи и обещанием награды в случае покорности, и угрожая лютой смертью всем сопротивляющимся. Но слова польско-литовских военачальников «пали как ветер на скалу Троицкую». Воеводы и архимандрит Иосаф послали врагам суровый и решительный отказ. Жестокая борьба началась.

30 сентября враги повели на монастырь приступ со всех четырёх сторон. Вражеская артиллерия осыпала монастырь ядрами. Но Преподобный хранил Обитель свою. Ядра упали в пустые места или в пруд и сравнительно мало вреда причиняли осаждённым. После длительного и жестокого боя враг отступил с большими потерями. Враги решили перейти к правильной осаде крепости и, установив орудия, укрепив их рвами и окопами, начали обстрел монастыря из 63-х орудий.

Немало приступов было сделано врагами, и неизменно Преподобный в видениях предупреждал о каждой опасности. Так, накануне одного сильного приступа пономарь Иринарх видел, как Святой Сергей ходил по ограде и кропил её святой водой. Защитники, предупреждённые таким чудесным образом, окрылялись духом и неизменно отбивали все нападения, нанося существенный урон неприятелю. Отчаявшись взять монастырь приступом, враг стал вести подкоп под монастырь. Осаждённым стало известно о подкопе под стены монастырские. Каждую минуту им грозила страшная гибель.

В эти тяжкие дни Преподобный Сергей явился архимандриту Иосафу. После усердной молитвы Иосаф впал в дремоту, и вот видит он, что Преподобный, с воздетыми руками, слёзно молится; окончив молитву, он обратился к Иосафу и сказал ему: «Встань, брат, бдите и молитесь, да не внидите в напасть». Следовавшая за этим вылазка дала первые сведения о подкопе. Вскоре после этого архимандрит Иосаф вновь имел видение. Совершая у себя в келии правило, он задремал, и вот снова приходит к нему Преподобный и говорит: «Встань, не скорби, но в радости вознеси молитвы, ибо о всех вас молится Богу Пресвятая Богородица»...

Последовавшая за этим видением вылазка 9 ноября оказалась чрезвычайно удачной для защитников, было обнаружено устье подкопа. Два крестьянина подмонастырского села Клементьева, Никон Шилов и Слота, взорвали подкоп, геройски пожертвовав собою для спасения Обители. Так дозором Преподобного осаждённым ещё раз удалось избежать страшной гибели.

В эти грозные дни Преподобный Сергей являлся не только бывшим в святой Обители, но также и тушинским казакам, осаждавшим Лавру. Один казак из неприятельского войска пришёл в монастырь и рассказал о явлениях Преподобного. Многие из них видели, как по монастырским стенам ходили два светозарных Старца,

похожих по описанию на чудотворцев Сергия и Никона. Один из них кадил монастырь, другой кропил его святой водою. В одну ночь Преподобный явился во сне многим врагам и предрёк им гибель. Некоторые казаки, утрашённые этими явлениями, оставили лагерь врагов и ушли домой.

Между тем наступила зима и заставила врагов прекратить частые нападения. Но обрушилась новая беда. От тесноты, грязи, дурной пищи и загрязнённой воды в монастыре развилась цинга. Небольшие силы защитников уменьшались с каждым днём, могущих носить оружие осталось не более тысячи. Но дивно хранима была Обитель Преподобного!

Всё же, по мере поредения рядов защитников, уныние начало овладевать слабейшими и стали даже раздаваться голоса, что лучше сдаться врагу добровольно, ибо нельзя уже послать в Москву за помощью, которая бы подспела к весне, к возобновлению военных действий.

И снова, по преданию, Преподобный, чтобы поддержать мужество и ободрить малодушных, явился пономарю Иринарху и сказал ему: «Скажи братии и всем ратным людям, зачем скорбеть о том, что невозможно послать весть в Москву? Сегодня, в третьем часу ночи, я послал от себя в Москву, в дом Пречистой Богородицы и ко всем Московским чудотворцам, трёх моих учеников: Михея, Варфоломея и Наума. Враги видели посланных, спросите – почему они не схватили их?»

Иринарх рассказал об этом видении. Все стали расспрашивать стражу – не видел ли кто посланных из монастыря? Выяснилось, что неприятельская стража действительно видела трёх старцев и стала их преследовать, надеясь быстро настигнуть их, так как кони под старцами были очень плохи. Но преследовавшие обманулись, кони под старцами неслись как будто крылатые. Враги не смогли нагнать их.

В это время в Обители был один больной старец. Услыхав о чуде, он стал размышлять, на каких таких конях были посланные Сергием старцы, и действительно ли всё это было? Тогда явился ему Преподобный и сказал, что Он послал старцев на трёх слепых лошадях, которые вследствие недостатка корма были выпущены за монастырскую ограду. После чего он исцелил старца от болезни и вместе с тем от неверия.

По преданию, в этот самый день в Москве видели едущего старца, за которым следовало двенадцать возов, наполненных печёным хлебом. Москва тогда тоже была осаждена врагами и терпела нужду в хлебе. Старец с возами и со спутниками направлялся к Богоявленскому монастырю, где тогда было Лаврское подворье. Видевшие это дивились и недоумевали: «Кто этот старец и его спутники, и как прошли они сквозь неприятельское войско?»

Старец же приветливо отвечал: «Все из дома Пресвятой и Живоначальной Троицы». Когда же его спросили, что происходит в Обители Преподобного Сергия, старец отвечал: «Не предаст Господь имени Своего в поношение, только сами вы, братие, не смущайтесь и не предавайтесь отчаянию».

Между тем по Москве стал распространяться слух о прибывших из Обители Сергия. Сам царь Василий спрашивал, почему к нему не привели их? Множество народа стало стекаться к Богоявленскому монастырю, но там никто не видел прибывших. Когда же в этом монастыре оказалось вдруг большое изобилие хлеба, тогда поняли, что то было явление Преподобного Сергия.

Так в народном сознании преломлялась духовная помощь Преподобного.

А к весне 1609 года царь Василий мог послать в Троицкую Обитель небольшой отряд казаков под началом атамана Останкова, к которому келарь Авраамий присоединил 20 человек монастырских слуг из Богоявленского монастыря.

В мае возобновились военные действия под Троицким монастырём. Враги снова произвели на стены монастырские приступ, который был отбит с большим уроном. В июле приступы возобновились и снова были отбиты, несмотря на то, что в последнем нападении принимал участие пришедший с новыми силами пан Зборовский, похвалявшийся одним ударом взять «лукошко», как он называл Троицкую крепость... А в это время к монастырю, наконец, приближался избавитель, князь Скопин-Шуйский, шедший с сильным войском на освобождение Москвы от тушинцев.

Заступничество Преподобного Сергия спасло его Обитель от разорения. Разбитые несколько раз, после 16-месячной осады, враги, в страхе перед наступающим на них войском князя Скопина-Шуйского, отступили от стен Троицкой Лавры.

Доблестной защитой монастырской крепости не была исчерпана служба Троицкой Обители Земле Русской в тяжкие годы Смутного времени. Во время осады, когда и сама Москва была стеснена тушинцами и в ней начался сильный недостаток и дороговизна на съестные припасы, находившийся в Москве келарь Авраамий Палицын выпускал на рынок по дешёвой цене из монастырских житниц сотни четвертей ржи, и тем заставлял хлеботорговцев понижать цену на хлеб. А в тяжёлый 1611 год, когда наступил самый критический момент во внутренней истории Московского Государства, когда захватившие Москву поляки и их русские приспешники стали жестоко угнетать Русь и угрожать всему национальному быту, когда, в отчаянии за будущую судьбу своей родины, люди терялись среди ужасающих событий и не знали, откуда ждать помощи, тогда из стен Троицкой Обители раздался набатный звон по всей Руси. Доблестный Троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын рассылали из монастыря по всем городам пламенные грамоты с призывом к русским людям подняться на защиту веры и отечества и освободить от врагов Московское Государство.

Эти пламенные грамоты и те необычайные видения, всегда связанные с обликом Преподобного Сергия, начавшиеся проявляться повсеместно среди людей самого различного положения, вызвали в народе подъём религиозного чувства, величайшего напряжения, при котором чудо освобождения и очищения Московского Государства сделалось возможным. Так, один из главных героев освобождения Козьма Минин указывал, что источник его решимости поднять ополчение таился в чудесном троекратном ему видении Преподобного. В сонном видении явился ему великий Чудотворец и велел собирать казну для ратных людей и идти с ними очищать Государство Московское от разбойников. Пробудившись, Козьма в страхе стал размышлять о видении, но, полагая, что собрание войска не его дело, не знал, на что решиться. Спустя немного времени Преподобный вторично явился ему, но и после того Козьма пребывал в нерешительности. Тогда Преподобный в третий раз явился ему и сказал: «Не говорил ли я тебе, чтобы ты собирал ратных людей! Чтобы ты шёл на освобождение Земли Русской от врагов! Не бойся того, что старшие не пойдут за тобою, младшие охотно исполнят это, и благое дело будет иметь добрый конец».

Последнее видение повергло Козьму в такой трепет, что он даже занемог, но больше сомневаться уже не мог и ревностно принялся за указанное великое дело.

Так рассказывается знаменательный момент Русской Истории.

После окончательного очищения Московского Государства от врагов раннею весною 1613 года, новоизбранный царь Михаил Фёдорович, направляясь из Костромы в Москву, прибыл в Обитель Троицкую, где и остался неделю, укрепляясь молитвою у гроба Преподобного Сергия на подвиг великого царского служения.

Славная же Обитель Троицкая, столь много претерпевшая в Смутное время и сослужившая такую великую службу Русской Земле, стала быстро оправляться от причинённых ей потерь и разорений, как и прежде привлекая к себе несчётное множество

богомольцев и посетителей. Цари Московские совершали богомольные походы к Троице. Восточные Патриархи, приезжавшие на Русь, также посещали знаменитую Обитель и поклонялись её Святыне. Народ русский, от сильных мира сего до последнего нищего, на протяжении столетий непрерывной вереницей шёл на поклонение ко гробу Чудотворца Сергия, и чистые сердцем находили ответ на моления свои и получали радость духовную и исцеление немощам своим.

Святыня Троицкой Обители – образ Явления Божией Матери Святому Сергию сопутствовал русским войскам и в войнах с Польшей и Литвой при царе Алексее Михайловиче.

В 1656 году царь Алексей Михайлович прислал в монастырь Троицкий грамоту, в которой он приносил горячую благодарность «великому Отцу и Чудотворцу, Заступнику и крепкому Молитвеннику и скорому Помощнику Преподобному Сергию за успехи русского оружия в войне с Польшей за освобождение Малороссии».

В самом конце XVII века Сергиева Обитель ещё раз спасла Россию от новой великой смуты, сохранив жизнь будущего преобразователя России – Петра Великого.

В сентябре 1682 года цари Иоанн и Пётр и сестра их Софья, спасаясь от мятежного князя Хованского и его стрельцов, укрылись в Троицком монастыре. Тем временем были посланы воззвания во многие города к ратным людям с призывом идти под Москву на защиту царской семьи. В Троицком монастыре собрались тысячи верных воинов. Князь Хованский был схвачен и казнён, после чего мятежники изъявили покорность.

Через семь лет, в ночь на 8 августа 1689 года, царь Пётр Алексеевич, спасаясь на этот раз от злоумышления на его жизнь со стороны царевны Софьи и стрельцов, прискакал из подмосковного села Преображенского в Троицкую Обитель искать помощи и защиты. Два месяца пробыл царь Пётр в стенах Троицкой Обители. Снова собрались войска, верные царю, и мятежники снова должны были покориться, и порядок государственный был восстановлен.

Троицкая Обитель, постоянно являвшаяся оплотом против врагов государства, также нередко предоставляла свою казну в распоряжение государей. Так, наибольшие суммы были отпущены Троицкой казной во время царствования Петра на корабельное строение, на ратных людей и другие государственные нужды.

«Церковное богатство – нищих богатство», – говорилось в старину, и богатствами Троицкой Обители в течение многих веков пользовались, как мы видим, русские люди – от царя до последнего нищего...

Великое почитание Святыни Троицкой продолжалось и при следующих императорах и императрицах, все они приходили на поклонение ко гробу Святого Сергия. Так, в 1877 году император Александр II, решив поднять оружие за освобождение балканских славян, посетил Лавру Преподобного Сергия, чтобы испросить у великого Заступника и Покровителя Земли Русской благословение на предпринимаемый им подвиг. Из рук митрополита принял икону Явления Божьей Матери Преподобному для препровождения её в действующую армию.

В 1892 году Троице-Сергиева Лавра торжественно праздновала 500-летие со дня смерти своего великого Основателя, а через 25 лет вновь пришли для всей Русской Земли тяжкие времена скорби и гонения. Богоборческий развал, повергнувший Россию, разрушительно коснулся и святой Троицкой Обители.

Она закрыта, и кощунственные руки посягнули на её заветную Святыню. Святые мощи Преподобного Сергия в 1919 году распоряжением властей переданы в музей*.

* В настоящее время мощи Святого Сергия возвращены в Троице-Сергиеву Лавру. – Прим. ред.

Сергий Духотворец! Сергий – Живая Связь с Миром Высшим!

Если Пламенный Облик его общечеловечен, то дело, сложенное им, есть дело строения Государства Русского. На всех поворотных пунктах истории России, при всех потрясениях, обрушивавшихся на Землю Русскую, неизреченная мощь Преподобного и твердыня духовной культуры, им заложенная, стоят нерушимым оплотом сил духовных.

Мы видели, как на протяжении столетий мощь Преподобного неотступно питала и хранила любимую им Землю Русскую.

Но история повторяется, и кто может сказать, что наступившие с началом XX столетия годы развала, гонения и кощунственного разрушения Святынь снова не сменятся великим, ещё небывалым духовным подъёмом, который в стихийности своей превысит все до него бывшие подвиги?

«Одним из отличительных признаков великого народа, – говорит Ключевский, – служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьёт урочный час, он соберёт свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».

Через многие тяжкие испытания прошла Земля Русская, но все они лишь послужили к её очищению и возвеличению – *т а к б ы л о, т а к б у д е т*. Сильна Россия мощью Светоносного Вождя и Хранителя своего! Кто может сказать, что Мощь его, неотступно стоящая на дозоре, не ждёт срока, записанного в Скрижалях Небесных?

Уже неизреченные касания Его достигают многие сердца, и трепещут они в радостном предчувствии Новой Зари. Вновь, как в грозное время очищения Московского Государства от разбойников, повсюду встают видения Преподобного. Разнообразны они: вот Он в Вихре Огненном; вот Один в сиянии серебряном, с поднятой чашей; вот в сопровождении двух сподвижников, низко опущены схимы на лики их; вот стан, во мгле серебристой, не видать конца-края его, и стяг Преподобного реет высоко над ним; вот благовесть несётся незримая, толпы народа спешат, праздничны одежды; вот слышен призыв Его пламенный, звучит в нём радость победы великой, радость грядущему мощному Строительству!

Пробьёт час, Свыше предуказанный, и народ Земли Русской в порыве любви пламенной к Родине своей, в подвиге духа, подымет под стягом Преподобного против безбожных за Святыню отечества, за достоинство своё, за благо народов!

**Отче Сергие, Дивный,
с Тобою идём, с Тобою
ПОБЕДИМ!**

Жизнь бесталанна без героя» – так гласит устами народа древняя мудрость. Так утверждает закон эволюции. В дни разрушений, в дни неслыханных озлоблений и всякого надругания и кощунства, когда высшей культуре духа, а следовательно, и эволюции всего человечества грозит гибель, не должно ли понятие это зажечь сознание и сердца не только лучших умов человечества, но захватить все лучшие силы народов?

Уже во многих странах встают облики вождей и героев, ибо душа народов тоскует о Вожде Светлого Будущего. Но тёмные в ярости саморазрушения продолжают восставать, кощунствовать и скрежетать против всякого понятия героя и вождя.

Свет и тьма! Резко обозначилась грань между Светом и тьмою!

Неприемлем вождь и герой для тёмного сознания, ибо вождь идёт за Светом Высшим, за Светом, влекущим в Будущее.

Истинный вождь есть воплощение Указа Высшего. В таком вожде, как в фокусе, сходятся Веления Света и чаяния народа. Такой вождь идёт осенённый знанием высшим, и милосердие и строительство доспехи его.

Таким Вождём был Преподобный Сергей; вдохнув героический дух в народ, Он устремил его в будущее. Таким Вождём остаётся Он и сейчас, ибо нерасторжима связь Великих Духов с делом и подвигом их жизни.

Осиянный Светом Несказуемым, стоит Он, невидимо Видимый, на ступенях великой Лестницы Иерархии Света, готовый в указанный час устремить легионы Светлых Сил, готовый благословить народ свой и Вождя его земного на новый подвиг.

Свет и тьма! Свирепствует преудказанная битва! Грозен Армагеддон! Но час решительный наступает, и Свет побеждает тьму!

К Сергию пришёл Святитель Алексей с вопросом: что делать?

Сергий ответил: «Помоги земле Русской».

Когда Сергия спросили крестьяне: что делать? – он ответил: «Помогите земле Русской».

Когда Минин обратился к Сергию, тогда пришёл ответ: «Помоги земле Русской!»

Источник: <https://sibro.ru/teacher/books/813/>